

С. Нариньян

МСТИТЕЛИ

ПОВЕСТЬ

Издательство ЦК ВЛКСМ „Молодая Гвардия“
1942

ЗНАКИ НА СТЕНЕ

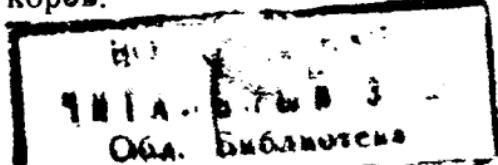
Комендант группы оккупированных районов Полтавщины обер-лейтенант Август Вернер с недавних пор стал ощущать серьезное беспокойство. Вот уже две недели, как на подвластной ему территории творятся всяческие безобразия.

Сначала в селе Марфино был убит солдат Цоппи; затем кто-то сжег амбар с зерном в Николаевке; еще через день в Романивке был повешен фельдшер Кухарчик, направленный немцами в это село старостой. И, наконец, сегодня поутру обер-лейтенанту доложили, что две прекрасных племенных коровы, которых он, обер-лейтенант, приказал доставить из совхоза для личного хозяйства, были обнаружены утром в коровнике мертвыми.

Обер-лейтенанта возмущали не столько сами преступления, сколько смелость преступника. Он не только убивал, жег и вешал, он еще оставлял на месте преступления свои таинственные знаки: вернее, писал, где только мог, три буквы «К. и М.».

Это был, как видно, отчаянный человек, не побоявшийся нацарапать свои инициалы ~~даже на стенах~~ сарай, принадлежащего самому господину обер-лейтенанту.

Утром господин Вернер вызвал к себе в комендатуру старшего ефрейтора Вотара Крюгера и приказал ему во что бы то ни стало арестовать того кто убил в эту ночь пару симментальских его обер-лейтенанта, коров.

Но Вотар Крюгер тщетно искал виновника. Он вынужден был явиться в комендатуру ни с чем. Преступника обнаружить не удалось.

— Плохо искали! — крикнул комендант.—Преступник не мог уйти из села. Отправляйтесь назад и являйтесь только с преступником.

Ефрейтор отдал честь и повернулся на каблуке.

Каково же было возмущение обер-лейтенанта, когда он увидел спину своего подчиненного.

На мундире старшего ефрейтора чья-то ловкая рука вывела мелом три злополучных буквы: «К. и М.».

— Баба! — завопил комендант. — Под арест!..

В ярости Вернер метался по комнате, не зная, что предпринять. Потом, немного успокоившись, в~~ызвал~~ал к себе старосту.

— Возьмите список и арестуйте всех жителей, имена и фамилии которых начинаются на буквы К. и М.

— Слушаюсь. Женщин и детей тоже прикажете арестовать?

Обер-лейтенант прошелся по комнате. Для того, чтобы совершить все эти преступления... — подумал он, — у женщин вряд ли хватило бы смелости, а у детей — силы.

— С женщинами и детьми повремените.

Не успел комендант проводить старосту, как ему протелефонировали из Мурашева о новой не- приятности. Внезапно заглохли моторы у колонны автомашин и приостановилась отправка продовольствия передовым немецким частям.

— Как заглохли? Почему? — спросил Август Вернер.

— Они засахарились, — отвечали из Мурашева

— То-есть как засахарились?

Из Мурашева пытались что-то объяснить, но господин Вернер, ничего не поняв, бросил трубку.

Надо было ехать расследовать дело на месте. Он сел в машину и в сопровождении эскорта мотоциклистов двинулся в Мурашево. Уже по дороге обер-лейтенант увидел довольно невеселую картину. От лабазов продовольственного склада до самой Яновщины, — а здесь было не меньше двадцати пяти километров, — на шоссе стояли грузовые машины. У моторов возились шоферы.

— Что вы тут скоблите? — спросил Вернер одного из них.

— Сахар, господин обер-лейтенант.

— Откуда, чорт возьми, в моторе сахар?

— Не могу знать, господин обер-лейтенант.

Только в самом Мурашеве комендант кое-что понял.

Как показал начальник автоотряда фельдфебель Ширих, вчера днем он обнаружил в кооперативном складе села Романивка пять мешков рафинада и приказал доставить их в гараж.

— Покажите мне, куда именно!

Фельдфебель повел обер-лейтенанта к своей квартире. Квартира эта находилась во дворе гаража. Здесь никакой охраны не было. Часовые стояли только снаружи у ворот. Возчик из Романивки, пользуясь запиской фельдфебеля, поздно вечером беспрепятственно въехал во двор гаража и, выгрузив мешки, скрылся. Вслед за тем вернулся домой и сам фельдфебель. Он всю ночь проискзал сахар, но так и не нашел, хотя часовые утверждают, что возчик обратно выехал порожняком.

Только сегодня утром сахар обнаружился в моторах. Он осел на стенках цилиндров твердой коростой и вывел из строя всю автоколонну. Оказывается, возчик, пользуясь темнотой, высипал ра-

финад в бак с горючим, из которого заправлялись машины.

— Надеюсь, вы поймали этого негодяя?

— К сожалению, нет,—смутился фельдфебель.— Он бежал. Задержана только телега с лошадью.

— Кто владелец этой лошади? Возьмите лошадь и сейчас же поезжайте в село. Пусть староста собирает на площади всех жителей.

Когда обер-лейтенант закончил дела в Мурашеве и прибыл в Романивку, народ на площади был уже собран. Господин комендант посмотрел вокруг и взгляд его остановился на телеге с лошадью. С дуги на коменданта смотрели три буквы: «К. и М.».

— Кто хозяин коня? — коверкая и мешая русские и украинские слова, крикнул комендант.

Толпа молчала.

— Старост, отвечайт, кто хозяин коня?

Староста Хмара побледнел при этом вопросе. Хмара только два дня назад заменил повешенного Кухарчика. Предатель боялся мести односельчан и заискивающе посмотрел на народ, словно говоря: «Видите, я молчал, но меня заставляют говорить».

— Старост! — повторил комендант.

— Конь Трохима Перепелицы, — чуть слышно сказал староста.

— Несит веревку.

Пока староста ходил за веревкой, мотоциклисты вытащили вперед Перепелицу.

— Вы писал? — спросил комендант, показывая на дугу.

— Ни, не я.

Комендант выхватил из рук фельдфебеля кнут и наотмашь ударили Перепелицу.

— Это не они, это сын их ездил с сахаром,— сказал староста.

— Где сын?

бы и только уцелевшая массивная каменная арка ворот напоминает путнику о былом величии сих мест.

В Кочубеевском лесу сохранился дуб, у которого, по преданию, гетман Мазепа устраивал свидания с юной Марией. Дуб этот до самого последнего времени почитался в Диканьке за счастливое дерево любви.

Сюда ходили гулять влюбленные парочки, здесь зажигались праздничные костры, пелись песни...

Дмитрий Гущин и его друг Федот Черешня часто бывали в этих местах. Они любили и Сорочинцы, и Миргород, и Решетиловку, но больше всего им нравилась все-таки овеянная романтикой Диканька. Не раз и не два приходили они из Полтавы к Кочубеевскому лесу, садились чахолме у въезда в село и вспоминали Гоголя.

Здесь по этим узким диканьским улочкам когда-то майской ночью плутал пьяный Каленик, здесь объяснялся в любви славный Левко красавице Ганночке, а вон в том пруду за селом утонула бедная панночка.

В последний раз друзья подошли к Диканьке недели полторы назад. Шли они лесом, перебегая дороги ночью; шли крадучись, хоронясь от посторонних взоров.

В лесу под Диканькой у древних развалин замка глубоко под землю уходили кочубеевские катакомбы. В давно прошедшие времена в этих подземных коридорах прятались запорожцы, бедные люди — просто разбойники. Потом о катакомбах забыли. Входы и выходы в коридоры заросли кустами, память о них — преданиями. Но вот недавно в Полтаве вспомнили о подземных норах под Диканькой. Комендантом этих катакомб был назначен

инструктор обкома комсомола Дмитрий Гущин. Он получил в свое распоряжение два ящика ручных гранат, ящик мин, десять винтовок, ручной пулемет, патроны, и как-то ночью за много дней до прихода немцев доставили все это в подземелье. Затем Гущин побывал в близлежащих к Диканьке селах. Он тайком приходил в хаты к знакомым, надежным хлопцам и условливался с ними о явке и паролях. Из девчат Дмитрий решил привлечь в свой отряд только Вареньку Коротенко. Это была смелая, сильная девушка. Работала Варя сестрой в хусткинской психиатрической больнице, и ей Дмитрий поручил все хозяйственные и санитарные приготовления — заготовку ваты, бинтов, спирта, иода, ведер, чайников, картошки, сухарей, соли, больничных одеял, ниток, иголок и другой мелочи.

Варенька выполнила поручение, и Гущин вывез из Хустки к Кочубеевскому лесу целый воз необходимых продуктов и материалов.

И вот наступил день, когда Гущин должен был уйти в катакомбы. Диканьку уже заняли немцы, и надо было начинать суровую жизнь лесного человека.

Перед тем как выйти из Полтавы, Дмитрий зашел попрощаться со своим другом.

Федот Черешня работал начальником цеха механического завода. Несмотря на дружбу, Дмитрий до самой последней минуты не говорил Черешне ни о полученном задании, ни о своих приготовлениях. А вот сейчас зашел и сказал:

- Давай почеломкаемся, Федот. Ухожу.
- Куда?
- Партизанить.
- А как же я? — спросил Черешня.
- У тебя, Федот, семья. Езжай на восток вместе с заводом, будешь делать машины.

Федот задумался. Он несколько минут молчал, затем скинул башмаки и вытащил из-под кровати тяжелые яловые сапоги, специально для полтавской грязи.

— Семья останется среди своих, — сказал он, переобуваясь. — А ты, Дмитрий, идешь на смерть. Так разве я могу тебя оставить?

— Ну, что ж, спасибо, Федот, — проговорил, волнуясь, Гущин и крепко обнял товарища. — Будем держаться вместе.

Дмитрий подождал, пока Федот разделялся с письмами на завод и жене, затем друзья тронулись в дорогу.

Три дня они жили в кочубеевских катакомбах вдвоем... А на четвертый день к дубу любви пришел зоотехник Марфинского колхоза Василий Кошуба.

— Я убил немецкого солдата, — сказал он и передал Гущину автомат и диски с патронами.

— Почин хороший, — ответил Дмитрий. Он повесил трофейное оружие на плечо зоотехника и повел его к катакомбам.

Для наружного дежурства был оставлен Федот Черешня.

Ночью к дубу пришел пионервожатый Лабурда из Николаевки. Он дважды кукукнул, и Федот вызвал снизу Дмитрия.

— Поджег два сараев с зерном, — сказал Лабурда.

— Оружие добыл?

— Нет.

— Жалко. Ну, добудешь в следующий раз, — сказал Дмитрий и, сменив на посту Федота, отправил его вместе с Лабурдой на отдых.

Под утро к дубу явился Степан Иващенко, колхозный кузнец из Реманивки.

— Удавил фельдшера Кухарчика. Гад, продался немцам.

— Оружие принес?

— Топор.

— Что ж, придется обменять тебе топор на винтовку.

Еще через день пришел из Диканьки конюх Василий Губанов.

— Я отравил две коровы, которые немецкий комендант присмотрел для себя.

— Маловато.

— Ничего, — сказал Губанов, — дай времечко, доберусь и до самого коменданта.

— Ну, что ж, запишем коменданта за тобой. Ты, кажется, пулеметчик?

— Пулеметчик.

— Крой тогда вниз. Там для тебя машинка подготовлена.

Последним к дубу пришел тракторист Никола Перепелица.

— Я испоганил немцам целый бак горючего, — доложил он. — Только боюсь за родных. Телегу, отцовскую у них пришлось оставить.

— Что ж, придется и отца пригласить к нам. Пойдет?

— Да куда ж ему теперь деваться?

Дмитрий оставил Федота на часах, сам дождался ночи и во главе небольшого отряда двинулся к Романивке. И хотя дорога была недолгой, молодые партизаны опоздали.

Обер-лейтенант успел закончить кровавую расправу. Когда Дмитрий вошел в село, то увидел перекладину с четырьмя повешенными.

Свирепо расквитались партизаны за эти четыре смерти. Одного немецкого часового они убили еще

у входа в Романивку. Двух других застрелили в доме Хмара. Сам же Хмара был доставлен к виселице, и Дмитрий Гущин сказал:

— Именем украинского народа предатель Хмара приговаривается к смерти.

Никола Перепелица вышел из темноты и плонул в лицо немецкому старосте, а Степан Иващенко набросил ему на голову машок и потащил к веревке.

В ПЛЕНУ

После операции в Романивке на партизанском совете было решено выждать, осмотреться и, как только немцы немного успокоятся, снова приступить к боевым действиям.

В дни вынужденного затишья ребята занялись внутренними делами. Бойцов в отряде было немного и для того, чтобы не выставлять для охраны лагеря лишних людей, Гущин решил заминировать все подходы к катакомбам, кроме одного. Главным минером был назначен инженер Черешня. Он получил себе в помощники Степана Иващенко и занялся с ним обследованием лесных троп и просек.

Пока Черешня занимался минами, пулеметчик Губанов взялся за изучение трофейного автомата.

В отряде не было никакого оружия.

Владельцу автомата Василию Кошуба завидовали все бойцы отряда. Что греха таить — эту машинку с удовольствием повесил бы на плечо и сам командир отряда Гущин. Но командир не хотел делать для себя никаких исключений. И чтобы в этом вопросе сразу установить ясность, в лагере было твердо решено:

— Трофейным оружием пользуется тот, кто его добыл. Хочешь иметь такое же, отними у немца.

Лагерь в Кочубеевском лесу жил напряженной жизнью. Василий Губанов оказался строгим военруком и с утра до вечера проводил учения. То он заставлял бойцов производить сборку и разборку пулемета, то кидал вместе с ними в цель холостые гранаты, а то брал немецкий автомат и начинал объяснять его устройство.

Все шло как будто бы хорошо, однако на душе у Дмитрия было очень неспокойно. Его волновала судьба Вари Коротенко. Где она? Почему до сих пор не явилась в лагерь? Может быть, испугалась? Струсила... — думал Дмитрий. — А может, попалась на каком-нибудь деле...

И от мысли, что Варя в руках у немцев, Гущину становилось не по себе.

Это беспокойство усилилось, когда вожатый Лабурда, возвратясь как-то с разведки, сообщил, что в Диканьку прибыл из Миргорода карательный отряд, вызванный комендантом Вернером, и что этот отряд второй день свирепствует в Хустке.

Надо было что-то предпринимать. Но что именно? Отправиться в Хустку всей группой? Это безрассудно. Прежде всего надо узнать численность карательного отряда, его расположение, а потом уже нападать. В разведку Дмитрий решил идти сам. Он обменялся с Иващенко одеждой, сунул в карман несколько сухарей и двинулся в дорогу.

Хустка была от Кочубеевского леса километрах в двадцати. Если бы Дмитрий шел по шоссе, то за день он дошел бы до места. Но идти по дороге было опасно. Немецкие мотоциклисты то и дело мелькали по шоссе. Попасться им в лапы Гущину не хотелось.

Дмитрий пошел степью, хоронясь в высоких тра-

вах. Этот путь был километров на десять больше, но зато безопаснее.

Дмитрий шел всю ночь и почти весь день. Примерно с полудня ему навстречу стали попадаться больные. Одни бродили по степи в нижнем белье, другие — в серых больничных халатах. При встрече с Гущиным они тотчас бросались в сторону. Только одного старика вид Гущина чем-то заинтересовал. Он подошел к Дмитрию и стал его внимательно разглядывать.

— Эмма,— сказал старик,— у вас нет немногого зерен?

— Вы давно не ели? — спросил Дмитрий.

— Два дня я не клюю зерен. Они выгнали меня из курятника в степь. Петух — домашняя птица. Я могу одичать. Меня могут заклевать коршуны.

Дмитрий вытащил из кармана сухарь и протянул его старику. Но тот не взял сухаря.

— Я хочу зерен,—сказал он. — Я хочу околеть на своем насесте. Зачем они выгнали меня из курятника?

Старик замолчал. Затем он нахмурился, взмахнул руками, кукарекнул и вприпрыжку поскакал прочь. Гущин дважды окликнул старика, но тот, не обворачиваясь, с кудахтаньем бежал прочь.

Часам к пяти Гущин добрался до Хусткинского парка. Он решил дождаться здесь ночи, отдохнуть и затем осторожно разведать, что и как. Но прежде чем прилечь вздремнуть, Дмитрию захотелось окунуться в пруду. Холодная, прозрачная вода так поблескивала между деревьями, а сам Гущин так сильно страдал от жары и пыли, что, увидев пруд, он забыл о всякой предосторожности и начал раздеваться.

Но не успел Дмитрий снять верхнюю одежду,

как совсем рядом послышалась немецкая речь. От неожиданности Гущин присел. Но так как разговаривающие приближались, Дмитрий невольно начал отползать в сторону.

Как знать? Если бы Гущин остался на месте, немецкие солдаты, может быть, прошли бы мимо, даже не заметив его. Переползая же от дерева к дереву, Дмитрий совершенно неожиданно нарвался на целый десяток отдыхающих немцев. Ему даже не дали подняться на ноги. Чьи-то сильные руки схватили его за шиворот, кто-то сунул ему под нос холодное дуло, и он оказался в руках у противника.

Уже через двадцать минут Дмитрия доставили в комнату дежурного офицера. Он вошел в дверь, на которой еще красовалась табличка главного врача, и предстал, как был, в одном нижнем белье, перед столом командира карательного отряда лейтенанта Бема.

Один из сопровождающих коротко доложил, в чем дело и, получив от лейтенанта распоряжение, тотчас же отправился за переводчиком. Дмитрий стоял босыми ногами на холодном кафельном полу и думал над тем, как бы ему выпутаться из этой истории.

В комнату вошел переводчик. Он оглядел полуторную фигуру Гущина и сел под портретом знаменитого русского психиатра Бехтерева, который немцы, по всей видимости, забыли уничтожить.

Лейтенант Бем сказал что-то по-немецки. Переводчик пододвинул к себе тетрадь, ручку и спросил:

— Имя, фамилия?

Дмитрий переступил с ноги на ногу и глубоко вздохнул.

— Имя, фамилия? — повторил вопрос переводчик.

— Мы психи, — несколько неуверенно ответил Дмитрий. Переводчик покосился на офицера и строго сказал:

— Господин лейтенант предупреждает вас: он требует ясного, вразумительного ответа.

— Ку-ка-ре-ку!

— Это в каком смысле понимать? — спросил переводчик.

— Эмма, я хочу зерен, — уже увереннее заявил Гущин и, замахав руками, словно крыльями, начал шарить у себя под ногами.

— Как, вы опять привели ко мне сумасшедшего?! — сказал лейтенант, обращаясь к солдатам.

— Он был совсем близко, в парке, — ответил солдат.

Офицер повернулся к переводчику и бросил ему какую-то фразу.

— Господин лейтенант готов сочувствовать вашему недугу, — сказал переводчик, — но он солдат, а не врач. И от всех болезней он знает только одно лекарство.

Переводчик сделал в этом месте выразительный жест над шеей, стараясь образно показать Гущину, как его вздернут на веревку. И хотя по спине Дмитрия от такого разъяснения переводчика забегали мурашки, он не изменил безмятежного выражения лица и продолжал настаивать на своем.

— Я старый петух, — говорил он, — мне холодно в степи. Меня могут заклевать коршуны...

Лейтенанта вызвали в соседнюю комнату к телефону, а через минуту оттуда вышел вестовой и сказал солдату:

— Отведите сумасшедшего в сарай.

Солдаты подхватили клохчущего Дмитрия под

руки и повели его через двор к маленькому каменному сараю. Прежде чем его втолкнули в дверь, Гущин на всякий случай осмотрелся. Сарай одиноко стоял метрах в двухстах от прочих построек. С двух сторон около сарая длинными штабелями лежали дрова. С третьей — ходил часовой.

Надежд на побег не было никаких. Двое карательных втолкнули его в дверь.

ОДИННАДЦАТЬ

В каменном сарае сидели в заточении одиннадцать обреченных. Всех их свезли сюда только вчера, а на завтра уже была назначена казнь. Их могли бы убить и сегодня, прямо здесь, у сарая, но немцы предпочитали расстреливать и вешать при людях. Они сгоняли мирных жителей на базарные площади, чтобы те видели, как умерщвляют их товарищей, и трепетали бы в страхе.

Кого же собирались немцы казнить завтра?

Среди приговоренных к смерти были: счетовод мясосовхоза, главный врач психиатрической больницы, педагог, два колхозных бригадира, лейтенант и пять молодых украинских хлопцев. Преступление приговоренных заключалось в том, что они были советскими патриотами. Троє из них подпалили колхозные амбары, двое не пустили немцев в свои хаты, один пытался уйти в лес. Старый профессор Слоним не палил амбаров. Он был приговорен к повешению за то, что родился евреем и не хотел предоставить свою больницу под постоянный карательному отряду. Остальные пять не имели никаких обвинений. Их просто схватили, заточили в сарай, и вот завтра убьют.

Из всех обреченных Дмитрий знал одного — молодого хусткинского комсомольца Костя Яренко.

Когда Дмитрия втолкнули в сарай, Костя с

удивлением поднялся ему навстречу. Но Дмитрий не дал ему даже слова выговорить. Клохчущей наседкой он прошел мимо Кости и шепнул ему на ухо: — Молчи.

Затем Гущин вскочил на порог и два раза кукарекнул. Солдаты засмеялись и захлопнули дверь. Снаружи загрохотал засов, потом все затихло.

— Господи, скаженный, — неожиданно произнес бригадир Топчий.

Это был огромный, могучий детина, пудов восьми весом и в сажень ростом. Он подошел к Гущину и стал с любопытством разглядывать его.

— Вот это медведище, — подумал Дмитрий.

А Топчий, закончив осмотр, деловито бросил Гущину:

— Пристегни исподние, а то мотню потеряешь.

Дмитрий невольно потянулся к пуговицам.

— Что, испугался! — загрохотал великан.

— Эк тебя развезло, Тарас, — сказал из угла счетовод Удовиченко. — У людей на сердце кошки скребут, а ты все грохочешь. Помолчал бы...

— Еще намолчусь, надоест, — ответил Топчий и, повернувшись в сторону профессора, добавил:

— Доктор, это не ваша квочка?

— Не квочка, а петух, — поправил Дмитрий и, подойдя к Яренко, спросил: — Что, Костя, удивляешься?

— Значит и вас, товарищ Гущин, прихлопнули?

— Выходит, прихлопнули.

Профессор Слоним подошел к Гущину.

— Вы не пугайтесь меня, доктор, — сказал Дмитрий. — Я психую исключительно в целях самозащиты. Надо было как-нибудь выкручиваться, вот я и запел петухом.

Гущин коротко рассказал о своих приключениях.

Рассказ удивил профессора. В нем заговорил врач-специалист.

— Ну, какой кретин, — сказал он по адресу лейтенанта, — не смог отличить грубой симуляции от настоящей шизофрении.

— А вы что, огорчены? — удивился лейтенант Лискун.

Доктор только презрительно пожал плечами. Вместо ответа он подошел к Дмитрию и подал ему свой пиджак.

— Оденьтесь, молодой человек, — сказал он, — здесь сырь.

— Значит на насест просился у господина лейтенанта, — грохотал Топчий.

Когда в сарае немного успокоились, Дмитрий тихо спросил у Кости:

— А где Варя Коротенко?

— Варю увезли три дня назад.

— Куда?

— В Диканьку.

Это сообщение сильно встревожило Дмитрия, и уже до самого вечера он почти ни с кем не разговаривал.

Когда у дверей послышался шепот и снова загрохотал засов, Гущин быстро сбросил пиджак и шепотом попрощался с остающимися. И так же шепотом доктор Слоним бросил ему:

— Ради бога, не называйте себя психом. Это неправдоподобно. Шизофреники никогда не признаются в своей болезни.

В сарай вошли солдаты, разыскали Гущина и подтолкнули его к двери.

Второй допрос Дмитрия продолжался сравнительно недолго. Ему просто-напросто повезло. Пока он изводил лейтенанта кудахтаньем, солдаты доставили в бывший кабинет главного врача сна-

чала двух, а затем еще трех сумасшедших. Как видно, всем им надоело блуждать по степи и они решили возвратиться к себе в лечебницу в надежде найти здесь ночлег и питание.

Лейтенант пробыл в обществе шизофреников только десять минут. Но этого было вполне достаточно, чтобы обалдеть. Лейтенант схватился за голову и приказал солдатам прогнать всех больных как можно дальше.

И вот Дмитрий со всей компанией сумасшедших очутился в степи. Он мог теперь итти куда угодно. Но он думал о тех, кто сидел сейчас в каменном сарае и ждал завтрашнего дня, последнего дня своей жизни.

Уйти, не попытавшись хоть как-нибудь помочь всем этим людям: Косте, великанию Топчию, лейтенанту Лискуну... Помочь, но как?

Дмитрий представил себе сарай, штабеля дров, одинокого часового. Он посмотрел на небо. Луна должна была появиться только часа через два-три. Гущин знал, что, если он еще раз попадется в руки немцам, то ему не сдобровать. И все же, несмотря ни на что, он решил возвратиться.

Так же, как и утром, он пошел через парк. В кустах он отыскал верхнюю одежду, оделся и, крадучись, пробрался между деревьями к поленнице. Большой дом больницы чернел в отдалении. В окнах постепенно гасли огни. Около полуночи у сарая сменили часового. Надо было торопиться. Луна вот-вот могла показаться над лесом, и тогда вся его затея провалится. Дмитрий взял тяжелый кол, и когда часовой в третий раз оказался рядом с поленницей, с силой ударил его по голове. Часовой свалился, даже не охнув. Дмитрий осторожно подошел к двери, снял засов и выпустил всех заключенных наружу. Затем он возвратился к убитому, снял у него автомаг, под-

сумок с патронами и, вытащив из ножен штык, нацарапал на стене сарая три буквы «К. и М.».

— Это им за Вареньку, — сказал он. — Пусть сволочи запомнят.

Двенадцать уходили от немцев через парк гуськом. Впереди шел Гущин. Степь была совсем недалеко, когда впереди раздался резкий оклик:

— Хальт!

Гущин приподнял было автомат, но доктор тихо одернул его.

— Посторонись, дружище, — крикнул доктор по-немецки часовому. Ведем на расстрел русских свиней.

Часовой сверкнул фонариком, чтобы разглядеть процессию, и почти тотчас же тяжелый кулак Топчия опустился ему на голову. Немец пытался сопротивляться, но второй удар окончательно лишил его сознания. Топчий оттащил часового подальше от тропинки и задушил его там. Когда он возвратился, Лискун спросил:

— А автомат?

— Ни-ни, — сказал великан, — я брезгаю немецким.

Лейтенант пошел за автоматом и, когда возвратился, сказал Топчию:

— Оружием нельзя брезговать.

— А, может, они этим оружием наших били.

— Ничего не значит. А теперь мы будем ихних бить.

И снова в парке воцарилась тишина. Костя Яренко прямо на дорожке немецким штыком начертывал три буквы «К. и М.».

— Пусть они помнят Вареньку, — сказал он и пошел вслед за товарищами.

* * *

Троє суток двенадцатьшли по степи. Их искали, высматривали на всех дорогах, но степь не

выдала. Она прятала своих сынов в балках, оврагах и вывела в конё концов к Кочубеевскому лесу. Измученные, голодные пришли они к лагерю. Но Дмитрий не повел их в свои катакомбы. Прежде чем показать туда дорогу, Гущин хотел поближе познакомиться со своими новыми товарищами. Он послал дежурного Перепелицу за картошкой, накормил вновь прибывших и остался вместе с ними на ночевку у дуба.

Утром Дмитрий устроил собрание.

— Товарищи, — сказал он, обращаясь к одиннадцати. — Вы видите перед собой семью вооруженных хлопцев. Кто мы? Мы — лесные люди. Немцы выгнали нас из родных хат. И когда мы устраиваем сейчас немцам диверсии, то оставляем им на память свою роспись «К. и М.». Это значит — «Кровь и Месть». За Украину, за советскую власть, за нашу жизнь, кровь и месть немецким гадам! Так вот решайте: остаетесь вы с нами или пойдете дальше. Законы у нас строгие. Трусов будем стрелять сами.

— Товарищ Гущин, как тебя по батюшке — спросил Топчий.

— Филиппович.

— Так вот, Дмитрий Филиппыч, податься некуда. Остаюсь с тобой. Дрогну перед немцем — стреляй.

— А как остальные?

— Бери и остальных к себе, — сказал Топчий.

— Нет, — перебил Гущин, — дело у нас серьезное. Здесь каждый говорит и дает клятву только за себя.

— А какая у вас клятва? — спросил Топчий.

— Говори ту, какая у тебя на душе.

Топчий встал и, повернувшись к партизанам, твердо сказал:

— За Советскую Украину, за Россию, за отцов и детей наших.

— А изменишь? — спросил Гущин.

— Смерть! — также твердо отвечал Топчий.

И вслед за ним один за другим поднялись все одиннадцать и каждый повторил слова клятвы.

Затем Гущин разбил весь отряд на две группы. Во главе одной он поставил Василия Губанова, командиром второй — назначил Топчия.

— Я благодарю Дмитрия Филипича за доверие, — сказал Топчий. — Но только, по-моему, было бы лучше назначить командиром лейтенанта Лискуна.

— Нет, — сказал Гущин, — давайте додгвариваться сразу. Советы советами, а приказ есть приказ. Я знаю, что товарищ Лискун был командиром. Но у каждого командира должно находиться в подчинении войско. А мы с вами нашли Лискуна одного, да еще у немцев под замком. Товарищ Лискун, объясните партизанам, где вы потеряли свою часть?

Лискун, густо покраснев, поднялся перед собравшимися.

— Моя часть попала в окружение под Кременчугом, — сказал он. — Я отбился от нее и шел, чтобы выйти к своим.

— Вот видите, — сказал Гущин, — Лискун отбился от своих... Он может отбиться и второй раз, а мы не хотим рисковать людьми. Пусть товарищ Лискун будет пока рядовым бойцом, а покажет себя в деле, сделаем командиром. Правильно я говорю? — спросил Гущин.

— Правильно! — согласился Топчий.

— Правильно, — тихо подтвердил Лискун.

— Я хотел узнать, — сказал доктор Слоним, — а каково мое место в отряде?

— Огромное. Вы будете главным партизанским врачом.

— Это очень лестно, но прошу иметь в виду, я психиатр, а не хирург.

— Придется менять профиль, — сказал Гущин. — Я тоже не генерал, а комсомольский работник. А вот, видите, занялся военными делами.

— Один у нас недостаток, товарищи, — продолжал Дмитрий, — мало оружия. Кое-что, конечно, есть, а остальное придется заимствовать у врагов.

На этом собрание партизанского отряда закончилось. Одиннадцать вновь прибывших были отправлены вниз на отдых, а Дмитрий, оставшись со своими старыми друзьями, стал спрашивать их, что нового произошло за время его отсутствия.

Новостей оказалось много.

Военный комендант Август Вернер расстрелял шесть человек в Диканьке, трех — в Романивке и одного повесил в Николаевке. В Диканьке он арестовал еще четырнадцать человек и предъявил жителям села ультиматум: если в трехдневный срок они не выдадут партизан, то он расстреляет и этих четырнадцать.

Срок, назначенный комендантом, истекал завтра в двенадцать ночи. Командир разведки Лабурда установил, что в Диканьке находятся сейчас двадцать пять немецких солдат, что арестованные заточены в помещение бывшего отделения милиции и что среди арестованных отец Василий Губанова.

Гущин оглядел своих товарищей и спросил:

— Ну, друзья, советуйте, что делать?

— Надо пробраться в Диканьку и убить коменданта, — предложил Степан Иващенко.

— А дальше?

— Дальше будет видно,

— А по-моему, надо сначала узнать, где квартируют солдаты, — вмешался Василий Кошуба.

— А потом?

— А потом снять часовых и поджечь казарму. Пока немцы будут прыгать из огня, мы успеем освободить арестованных.

— А ежели немцы спят в разных хатах? — спросил Черешня.

— Если, если, — обиделся Кошуба.

— А что? Черешня сказал дело, — заметил Перепелица. — Уж если итти, надо сначала узнать, что и как. Ты, скажем, запалил одну хату, а из другой тебе в спину пулемет.

— Что скажет Лабурда? — спросил Гущин.

— Я, Дмитрий Филиппыч, — сказал пионервожатый, делая ударение на отчестве, и покосился на Гущина, чтобы узнать, какое впечатление произвело на него такое торжественное обращение.

Гущин улыбнулся.

— Зря смеешься, — сказал Лабурда. — Отряд у нас сейчас большой, новые люди появились, так что авторитет командира надо держать высоко.

— Да ты толкуй сейчас не об авторитете. Говори лучше, какие у тебя предложения.

— Я, Дмитрий Филиппыч, — не смущаясь повторил Лабурда, — думаю, что сначала надо сходить в разведку. Узнать, во-первых, где у них поставлены часовые, затем — где спят солдаты. Ну, а когда все это выяснится, тогда и решим, что делать.

— Как думает Черешня? — спросил Гущин.

— Я думаю, Григорий Степаныч Лабурда прав, — ответил Черешня.

— Ну вот, опять смешки, — обиделся пионервожатый.

— Я не смеюсь, — сказал Черешня. — Ты у нас командир разведки. И хотя тебе, Гриша, всего

шестнадцать лет, авторитета у тебя должно быть не меньше, чем у другого.

— Правильно, — подтвердил Гущин. — И так как ты, Лабурда, внес самое дальние предложение, то пусть будет по-твоему. Готовься к разведке. Кстати, когда будешь в Диканьке, узнай, нет ли среди арестованных Варвары Коротенко.

— Есть узнать!

— Как, разве Варя арестована? — тревожно спросил Черешня.

— Семь дней назад, — тихо ответил Дмитрий.

В ДИКАНЬКЕ

Весь следующий день в лагере шла деятельная подготовка к ночной операции. Партизаны проворяли и смазывали оружие. На восемнадцать бойцов в отряде имелось десять винтовок, ручной пулемет, три автомата и три немецких пистолета, добытых партизанами в Романивке. Таким образом, если не считать доктора, отряд был обеспечен оружием полностью.

Пока шли приготовления, Гущин вместе с командирами групп разрабатывал план ночной операции.

Общее выступление было назначено на десять часов вечера.

Пулеметчику Губанову вместе с Костей Яренко поручалось снять часовых у въезда в село и взять охрану шоссе в свои руки. Эта пара должна была уничтожать каждого, кто попытается выйти из Диканьки или войти в нее.

Они же должны были перерезать телефонные провода и лишить немецкого коменданта связи.

Дмитрий Гущин, Василий Кошуба и Лискун с

автоматами должны были запереть спящих немецких солдат в клубе и уничтожить их гранатами.

Топчий и Лабурда отправлялись к милиции. Здесь им надо было снять двух часовых и выпустить на свободу заключенных.

Николай Перепелица вместе с педагогом Коробко взялись уничтожить двух часовых на выходе из лесу. Федот Черешня, Степан Иващенко и еще трое партизан должны были ликвидировать комендантскую группу во главе с обер-лейтенантом Вернером.

Перед отправкой в дорогу Гущин роздал бойцам ручные гранаты.

Дмитрий хотел подбодрить ребят, сказать что-то сильное, соответствующее моменту, но не нашел нужных слов и, махнув рукой, дал сигнал трогаться.

На выходе из леса отряд разбрался на группы и каждая самостоятельно двинулась к селу.

Немцы вели себя настороженно. Часовые пускали в воздух трассирующие очереди пуль автоматов. Это помогло Губанову и Перепелице легко обнаружить постовых и они, распластавшись по земле, стали медленно подбираться к немцам.

Остальные группы пошли в село, минуя шоссе, прямо по живью и огородам.

Гущин со своими автоматчиками вышел к клубу со стороны двора. Он перелез через плетень и глянул в окно. Зрительный зал был уставлен койками. Между коек возились солдаты. Они куда-то собирались. И едва Дмитрий успел перескочить обратно через плетень, как дверь клуба с шумом раскрылась и во двор высыпали немцы. Дмитрий сосчитал — их было шестнадцать. Они быстро выстроились по двое и двинулись по улице. Дне-

вальный закрыл за ними ворота и направился обратно в клуб.

— Это они в баню, — шепотом сказал Лискун.

— Как, с оружием? — удивился Дмитрий.

— Не у себя дома, — ответил Лискун, — остегаются.

— Что ж теперь делать? — спросил Кошуба.

Гущин задумался. Баня не входила в его расчёты. Он предполагал застать немцев спящими, а вдруг баня...

— Сначала снимем дневального, — предложил Кошуба, — а потом обложил клуб хворостом. Как только немцы вернутся, мы их и подпалим.

— Нет, — сказал Лискун, — ждать нам здесь нечего. А вдруг у Топчия или Черешни начнется завируха. Немцев в бани шестнадцать человек. Они бросятся к своим на помощь. Я предлагаю... — Лискун что-то таинственно шептал своим спутникам.

— Это дело — согласился Дмитрий.

Он снял рубаху, подошел к двери и постучался. Когда на пороге показался ничего не подозревавший дневальный, Кошуба рванул его к себе за ноги, а Гущин накинул ему на голову рубаху. Минутная возня — и партизаны оттащили в сторону придушенного часового.

Затем автоматчики пошли к бани. Там уже полным ходом шла мойка.

— Ну, благословите, ребята, — сказал Дмитрий и толкнул дверь внутрь.

В предбаннике царил полумрак. Двое солдат, оставленные для охраны одежды и оружия, с удивлением смотрели на незнакомца. Гущин не дал им опомниться. Он нажал курок и прямо с живота перерезал часовых длинной очередью.

Тут распахнулась дверь бани и из нее высуну-

лось несколько намыленных немцев. Лискун навел на дверь свой автомат.

Немцы закричали и захлопнули дверь. Василий Кошуба схватил со скамейки винтовку и сунул ее в дверную ручку. Немцы оказались под запором.

В селе послышалась беспорядочная стрельба.

— Началось, — сказал Дмитрий, — вытирая с лица пот.

Так как окон в бане не было, то у двери сторожить оставили одного Кошубу.

— Пусть сидят пока голенькими. Начнут волноваться, бей их через дверь.

Стрельба началась у отделения милиции. Топчию не удалось тихо снять часовых. Немцы успели вскочить внутрь здания и теперь безостановочно палили из окон.

Топчий и Лабурда залегли напротив в палисаднике и не отвечали, чтобы не выдать себя. Можно было бы, конечно, подползти к отделению и метнуть в окно гранату. Но в милиции находились под арестом свои.

Группа Черешни в это время сидела в засаде против комендатуры. Когда началась пальба в милиции, обер-лейтенант вместе с двумя солдатами пытался выскочить наружу, но Черешня преградил ему дорогу.

Завязалась перестрелка и здесь.

— Гранаты! — крикнул Черешня Степану Иващенко.

Пока сам Черешня перестреливался с комендантом, отвлекая внимание немцев на себя, Иващенко вытащил из кармана гранаты, зарядил их, и пополз с двумя партизанами через дорогу.

Обер-лейтенант выбрался по внутренней лестнице на крышу и застрочил оттуда из автомата. Степан теснее прижался к земле, но было уже поздно.

Обер-лейтенант пустил очередь по распластанному телу. Степан глухо вскрикнул и остался лежать без движения.

* * *

Когда Гущин и Лискун прибежали к милиции, здесь уже стоял Перепелица. На шее у него висел автомат, на спине — своя винтовка.

— А где Коробко? — спросил Дмитрий.

— Утек.

— Сдрефил?

— Точно, — сказал Перепелица. — Когда в деревне поднялась стрельба — бросил винтовку и в жито.

— Сволочь!

— А часовых ты снял? — спросил Лискун.

Перепелица показал на автомат.

— Ну, хорошо, — сказал Дмитрий, — сейчас тебе, Никола, вместе с Лискуном придется пойти в обход. Заберитесь во двор милиции и стреляйте в спину немцам. А я двину к комендантской, погляжу, как у Черешни.

Черешня к этому времени потерял двух бойцов, но зато третьему удалось подползти к комендантской и бросить гранату в окно.

К часу ночи вся операция была закончена. Из двадцати пяти немцев четырнадцать было заперто в бане, одиннадцать уничтожено. Трус Коробко был задержан жителями Диканьки и доставлен в клуб, где Дмитрий Гущин устроил митинг.

В центре зала партизаны поставили столы и положили на них трупы убитых товарищей: Степана Иващенко и колхозного бригадира из Николаевки — Христиана Марусина.

— Товарищи, — сказал Дмитрий, — эти два патриота отдали жизнь за нашу Советскую Украину. Почтим их светлую память.

В зале наступила глубокая тишина. Дмитрий взволнованно продолжал:

— Немецкие гады рвут и терзают Украину, они убивают сынов ее. В Диканьке они забрали четырнадцать заложников. Глядите же, что с ними сделали в комендатуре.

Все обернулись к измученным людям.

— Товарищ, — сказал Гущин, обращаясь к отцу Василия Губанова, — кто тебя порол в комендантской?

— Ефрейтор Крюгер.

— А ну, Лискун, — сказал Гущин, — посмотри, нет ли этого Крюгера в бане?

Лискун побежал в баню и через десять минут ввел в клуб голого ефрейтора. В углу фыркнули девушки.

— Сколько ударов вы нанесли этому старику? — спросил Дмитрий.

Черешня перевел вопрос. Крюгер молчал.

— Отец, сколько раз он тебя ударил? — спросил Дмитрий у Губанова.

— Да раз десять было.

— Топчий, положите ефрейтора на лавку и дайте ему за каждый удар по два.

— Это бесчестно, я без оружия, — крикнул Крюгер.

— А разве старик, которого вы били, был вооружен? — спросил Черешня.

Топчий деловито снял со своей винтовки ремень, сложил его вдвое и, плонув на руки, со свистом стеганул ефрейтора пониже спины. Крюгер охнул и побабы, неприятно, завизжал.

— Це только начало, — сказал Топчий, подмигнув мужикам.

Несмотря на визг и скрежет ефрейтора, Топчий

добросовестно выпорол его и, пристегнув ремень, спросил:

— Можно убрать?

— Уберите.

Топчий вытолкал голого, дрожащего фашиста во двор. Раздался выстрел. Когда Топчий вошел обратно, Лискун спросил:

— Кончил?

— А что мне с ним, детей что ли крестить?

— У кого есть еще жалобы? — спросил Дмитрий.

— Да вот, — комендант, — заголосила какая-то женщина, — мужика у меня убил.

— Ну, тетка, — сказал Перепелица, — с комендантом уже все кончено. Его на том свете черти мордуют.

Пока Дмитрий разговаривал с крестьянами, Черешня с Лабурдой и Перепелицей вышел на улицу.

— Надо готовиться в обратный путь, — сказал он. — Рядом с милицией стоит грузовик. Ты, Перепелица, тракторист, тебе и карты в руки. Езжай до бани и грузи всю немецкую амуницию и оружие.

Перепелица ушел.

— А ты, Гриша, — сказал Черешня Лабурде, — собери ребят и быстро выкопайте могилу у пруда.

Сам Черешня отправился в развороченную граватами комендатуру и забрал из письменного стола все книги и тетради. В комнате обер-лейтенанта ему удалось даже найти личную записную книжку Вернера. Он с любопытством перелистал ее и на одной из страниц прочел такую запись:

«В Миргороде командование 135 дивизии открыло госпиталь. Получил приказ мобилизовать медработников: отправлено два фельдшера и три медицинских сестры».

— Так вот куда попала Варенька, — подумал

Черешня и, захватив с собой все бумаги, бросился к клубу.

Разговор с крестьянами еще продолжался. Черешня вытащил из комендантской папки бумагу и сказал громко:

— Граждане, среди вас есть предатель.

— Кто?

— Герасим Мороз.

Какой-то мужичонка плюхнулся на колени и пополз к Черешне.

— Прости, христа ради, — шептал он, стараясь обнять ноги Федота.

— Уйди, мразь, — сказал Черешня и, подойдя к лампе, громко прочел:

«Господину коменданту.

Сим сообщаю, что в нашем селе проживают сейчас Модестова Агриппина Федоровна — мать секретаря Решетиловского райкома партии; Михальчук Прохор Сергеевич — коммунист, завхоз Диканьского райисполкома; Ступак Владимир Егорыч — комсомолец, баянист клуба; Губанов Михаил Федорович — беспартийный, имеет сына в партизанах; Чередниченко Евдокия Ивановна — акушерка, кандидат партии.

К сему домохозяин Мороз Герасим Макарыч».

— Именем народа, — сказал Гущин, — предателя Мороза...

— Дети у меня малые, — снова зашептал мужичонка. — Пожалейте, христа ради!

— Ах ты, шкура! — крикнул кто-то из толпы.

Топчий и Лискун подхватили мужичонку под руки и вывели во двор.

— Товарищи, — сказал Перепелица. — У нас осталась еще одна шкура, Коробко. Партизаны спасли его от расстрела, а он бросил винтовку во время боя и сбежал. И эта шкура называла себя комсомольцем.

Гущин снова встал.

— Труса и дезертира Коробко Константина Кирилловича,— сказал он,— расстрелять перед строем.

Партизаны подняли мертвых товарищей и медленно пошли к выходу. На улице они стали в ряд и Гущин сказал:

— Никола Перепелица, приведите приговор в исполнение.

Перепелица подошел к Коробко, вытащил у него из карманов две гранаты и передал их Лискуну. Потом поднял автомат и разрядил его в труса.

Партизаны, не оборачиваясь, ушли к пруду. Здесь, у старой могучей вербы, была вырыта могила. Мертвых опустили вниз.

— Прощай, Иващенко, прощай и ты, Христиан,— сказал Дмитрий. — Мы хороним вас ночью, тайно. Но он еще придет, свободный день нашей Украины. Мы вернемся сюда и засадим вашу могилу цветами.

Гущин бросил в могилу пригоршню земли и отошел в сторону. Черешня, Топчий и Перепелица взялись за лопаты, а Лабурда подошел к вербе и вырезал три буквы: «К. и М.».

Когда над могилой вырос холм, партизаны сели в машину, и Перепелица повез их из села. У бани Топчий спрыгнул на землю и сказал Гущину:

— Дозволь, Дмитрий Филиппович, на минутку.

Он вошел в предбанник и, отослав к машине Кошубу, широко распахнул дверь к немцам.

— А ну, гады, чы как вас по-собачьему, — гаркнул он, — прощавайте. Вы пришли по нашу душу, а наша душа еще жить хочет. И хоть вы пленные сейчас, а девать нам вас некуда. Спим мы на сырой земле, покрываемся свежим воздухом. А вы к такой жизни не приучены. Чего доб-

шого, заболеете чирьями, Гитлер волноваться будет.

Топчий еще раз оглядел толпу голых солдат и, отскочив к порогу, кинул в немцев одну за другой три гранаты.

В КОЧУБЕЕВСКИХ КАТАКОМБАХ

После памятной ночи в Диканьке отряд не предпринимал крупных операций и занимался, как говорил Черешня, главным образом, партизанской поденкой. Группа Топчия специализировалась на транспорте. Каждый день она устраивала засады на шоссе, охотясь за немецкими машинами.

Топчий оставался верным себе. Он уничтожал все: и машины, и груз, и людей. Его не соблазняли ни немецкие автоматы, ни деликатесы, которые немцы гнали из Голландии и Франции на фронт для господ офицеров.

Как и прежде, Топчий был вооружен русской винтовкой. Он был из этой винтовки сначала по шоферу, а когда машина, потеряв управление, сворачивала в канаву, пускал в ход гранаты.

Это злило Перепелицу. Он был хозяйственный, практичный парень, и каждая взорванная машина больно отдавалась у него в сердце. Перепелица пробовал хоть как-нибудь урезонить Топчия, но тот на все доводы отвечал одно:

— Ни, я брезгую немецким.

В конце концов Перепелица решил ходить на шоссе отдельно. Он договорился с Топчием и, получив под свое начало двух партизан — Костю Яренко и Лабурду, — начал действовать самостоятельно. Не прошло и двух недель, как ребята устроили в Кочубеевском лесу небольшой гараж. Они пригнали сюда две грузовые машины и один штабной «Мерседес». Перепелица мог пригнать

и больше, но партизанам много машин было ни к чему. И хотя теперь Перепелице волей-неволей приходилось идти по стопам Топчия, он прежде чем уничтожить машину, снимал с нее все, что могло сгодиться в партизанском хозяйстве. Фары и аккумуляторы он использовал для освещения катакомб; подушки из-под шоферских сидений шли у него вместо пружинных матразов.

Нехватало в гараже Перепелицы мотоциклов. И не потому, что нельзя было их достать, а, к сожалению, в лагере не было ни одного мотоциклиста. Среди партизан был шофер, два тракториста, но никто из них не знал устройства мотоцикла. Перепелице было очень обидно. В свое время в Сорочинской МТС, где работал Никола, были мотоциклы. Был там даже кружок мотоциклистов, но Перепелица в этом кружке не учился. «Еще успею,— говорил он,— торочиться некуда».

А вышло, что не успел. Надо было теперь на-верстывать упущенное.

И вот однажды Костя Яренко протянул через шоссе телефонный провод и снял на полном ходу немецкого мотоциклиста. Пока тот понял в чем дело, Костя связал ему руки и приволок его в лагерь к Черешне.

— На кой ляд вам понадобился немец? — спросил Федот.

— Сгодится, — ответил Яренко.— Ты учини ему допрос, а по пути узнай, не возьмется ли этот немец обучить нас мотоциклетному делу.

Черешня улыбнулся. Затея ребят ему понравилась. Однако немец наотрез отказался не только учить, но даже разговаривать с партизанами. Вел он себя высокомерно и нагло. Перепелица попробовал припугнуть его автоматом. Немец только побледнел, но не сдался.

— Что же, надо кончать,— предложил Черешня.

— Кончить всегда успеем, — хладнокровно заметил Яренко и, пошептавшись о чем-то с Перепелицей, увел пленного в один из боковых коридоров катакомб.

Тroe суток ребята держали немца на голодной диете. Он кричал, ругался, но партизаны не обращали на него внимания. На четвертый день, когда на пленника нашло отчаяние, Перепелица вновь привел его к Черешне.

— Попытайте, пожалуйста, — сказал он, — не хочет ли немец есть?

— А если хочет, — добавил Яренко, — то сколько уроков он потребует, чтобы научить нас мотоциклетному делу?

Черешня сказал что-то пленному по-немецки, затем дал ему кусок хлеба, воды и, когда пленный поел, снова начал переговоры.

— Немец спрашивает, — сказал Черешня, — умеете ли вы ездить на велосипедах?

— Умеем, — ответил Перепелица. — Скажите ему, что мы все шоферы и хорошо знаем мотор внутреннего сгорания.

Черешня перевел ответ Перепелицы и затем сказал ребятам:

— Немец говорит, что на ваше обучение потребуется не меньше семи недель.

— Что он, сдурел! — сказал Перепелица.

Яренко подумал и неожиданно добавил:

— Я согласен на семь недель, но только скажите немцу, что мы введем прогрессивную оплату. За первую неделю учебы будем кормить его ежедневно, за вторую через день, за третью через два. А ежели к этому времени он не закончит учебы, то мы откомандируем его...

С этого дня никто из партизан, кроме неисправимого Топчия, уже не ломал немецких мотоцик-

лов. Как только кому-нибудь удавалось снять мотоциклиста, не повредив машины, об этом немедленно докладывалось Перепелице.

В Кочубеевском лесу шесть молодых партизан начали учиться мотоциклетному делу на самых ускоренных курсах, которые когда-либо существовали. Так обстояли дела в транспортной группе Топчия.

Совсем по иному жила и действовала партизанская группа Василия Губанова. Бывший военрук отряда (сейчас военное обучение в лагере проводил Лискун) специализировался на новом поприще — трибунальском. Он очищал соседние села и хутора от предателей.

Стоило Губанову узнать, что в Романивку, Хустку или Яновщину назначен новый староста, как трибунальцы тотчас приступали к делу. В Романивку или Хустку тайком отправлялись два-три партизана. Они нелегально жили там по несколько дней у родных и знакомых и, выбрав удобный момент, «именем украинского народа»... уничтожали негодяев.

Сам командир отряда Дмитрий Гущин в эти осенние дни устанавливал внешние связи. Он нашел верных людей в конторе Решетиловской артели и при их помощи снабжал необходимыми документами советских работников, перебирающихся из немецкого тыла в сторону фронта.

Федот Черешня помогал Гущину, чем мог. Он писал ему справки на бланках убитого обер-лейтенанта Вернера, читал захваченную у немцев почту, вел допросы, — но все это мало удовлетворяло его. У главного минера партизанского отряда была своя заветная мечта. Он хотел пробраться в Миргород. Хотелось ему узнать, во-первых, там ли Варенька Коротенко. О своих догадках Федот ничего не говорил Гущину. Не говорил,

чтобы не сеять в душе напрасных надежд. «Вот
ты сущу се, тогда дело другое».

Но Черешня хотел попасть в Миргород не только из-за Вареньки. По свидетельствам Лабурды, немцы брочно приводили в порядок здание миргородского педагогического училища, оборудуя в нем казарму для маршевых полков.

У Черешни созрел, как видно, какой-то план, и он дал Перепелице задание раздобыть, во что бы то ни стало, немецкий санитарный автобус.

ОТЕЦ АМВРОСИЙ

Поймать санитарную машину было не так-то легко. Дороги «кисли» все больше и больше, и немцам все чаще приходилось пользоваться для перевозки раненых пароконными дорогами.

Но Перепелица был упорным человеком. Часами сидел он под дождем со своими приятелями у шоссе, поджиная автобус.

Не то на пятый, не то на шестой день ожидания на шоссе показалась долгожданная машина. Костя Яренко первым же выстрелом снял шофера. Из машины выскочили два немецких солдата. Партизаны не дали им даже залечь в канаву и уложили прямо на шоссе.

Из машины больше никто не показывался.

— Кажется, все, — сказал Перепелица и стал пробираться между кустами к автобусу.

Каково же было изумление ребят, когда они заглянули внутрь автобуса. Там сидел насмерть перепуганный поп. Он был в рясе, с паникадилом в руках и с большим серебряным крестом на груди.

— Хи, батя, — воскликнул Лабурда и леноночко дернул на всякий случай попа за бороду, — не фальшивая ли. Но борода была настоящая.

Перепелица решил доставить батю вместе с санитарным автобусом прямо к Черешне.

Бурно встретили попа партизаны.

— Ты чей, батя? — гаркнул Топчий.

— Полтавский.

— А куда?

— В Сорочинцы, на богослужение.

— За немцев бога молить? — с гневом спросил Гущин.

— Не по своей воле, православные, не по своей. — И поп начал рассказывать что-то длинное и тягучее.

Существо этого тягучего рассказа заключалось вот в чем.

В начале октября немецкое командование решило сформировать в Сорочинцах бело-украинскую национальную дивизию. Для этого из Германии была доставлена сотня бывших петлюровцев. К ним немцы прибавили еще сотню уголовников, подобранных на Волыни и Киевщине. На этом «приток добровольцев» застопорился. А какая же дивизия из двух сотен?

Майор фон-Дитрихс, которому германское командование поручило заботу о будущей украинской дивизии, решил, пока суть да дело, заигрывать с местным населением. Для начала он объявил себя горячим поборником православия и предложил подхорунжему Табаченко открыть в Сорочинцах церковь.

Но эта затея встретила не мало всяких затруднений. Прежде всего, возник вопрос о здании. Где молиться? Старая церковь была разрушена месяц назад бомбой с немецкого самолета. Подхорунжий Табаченко предложил использовать под церковь дом сельсовета.

— Ни, — возразили старухи, — в этом доме

деркви не сделать. Здесь наши мужики курили цыгарки, матершили.

Табаченко приказал тогда очистить здание школы. Петлюровцы вытащили парты и столы на улицу, сняли переборки между классами и устроили амвон. Можно было начинать богослужение. Дело стало за попом.

Одного прощелыгу немцы привезли с собой из Германии. Но он вызвал подозрение у местного населения. Он был бритый, стриженый, и сорочинские «богомольцы» отказались признавать его за попа.

Майор фон-Дитрихс был вне себя от бешенства. Он чувствовал, что сорочинские жители в бога не верят и попросту издеваются над его затеей. Но если уж Дитрихс объявил себя поборником православия, то церковь в Сорочинцах должна быть открыта во что бы то ни стало. Они не хотят признавать бритого попа, — ну, что ж, я доставлю им волосатого. Так думал Дитрихс.

Дитрихс приказал Табаченко немедленно достать настоящего попа.

В Сорочинцах, так же, как и во всех соседних селах, уже много лет не было священнослужителей. Одни из них умерли от старости, другие сменили за ненадобностью профессию. В общем, как Табаченко ни старался, найти попа не удалось.

Тогда майор фон-Дитрихс соединился по телефону с полтавским комендантом и попросил его доставить в Сорочинцы хоть какого-нибудь священнослужителя.

И вот отец Амвросий — настоятель кладбищенского прихода города Полтавы — был посажен в первую попавшуюся машину и отправлен под охраной двух немецких солдат в Сорочинцы. Отец Амвросий ехал, но не доехал... Он сидел сейчас в Кочубеевском лесу и жаловался партизанам на свою судьбу.

— Значит, тебя, батя, взяли против воли? —
спросил Гущин.

— Против.

— И ты не хотел ехать в Сорочинцы?

— Не хотел.

— Ну, что ж, мы тебя неволить не будем. Сиди, отдохай. Мы сами откроем немцам церковь. А ну-ка, Топчий, — сказал Гущин, — одень-ка эту рясу, посмотрим, какой из тебя поп получится.

Топчий сбросил ватник и стал примерять спецоблачение отца Амвросия. Но как ни была велика ряса, она еле дошла до колен этому богатырю.

— Ну и жеребец, — сказал Лискун с завистью, поглядывая снизу на Топчия.

— Портной есть? — спросил Гущин.

Партизаны молчали.

— Эх, бабы нет, — с сожалением сказал Топчий.

— Что же, никто из вас иглы в руках держать не умеет?

— Я когда-то был в Харькове, — сказал отец Василия Губанова, — работал на фабрике, шил шапки, фуражки.

— Рясу выпустить сумеешь?

— Сумею.

— Давай, выпускай.

Затем Гущин отобрал пятнадцать партизан и приказал немедленно сбрить бороды. Отец Амвросий с удивлением смотрел на все эти приготовления. Через час отряд был готов к походу.

Топчий сидел в автобусе в начищенных сапогах с напомаженной и расчесанной бородой. В руках у него было паникадило, на груди висел большой крест. Вокруг Топчия сидело десять автоматчиков. Среди них читатель мог бы узнать Гущина, Лискуна, Перебейноса и других обитателей Кочубеевского леса.

Никола Перепелица вел головную машину. Пол

ним был трофеиный мотоцикл. Рядом в коляске Перепелица вез Федота Черешню. На Черешне была форма немецкого лейтенанта. Он знал язык противника и от него зависел успех всей сорочинской операции.

Машины быстро шли по шоссе. Дмитрий смотрел в окно и не узнавал знакомого пейзажа. В последний раз он ехал по этой дороге в августе. Хлеба стояли тогда высокой степной и он мчался по шоссе, как в сказочном тоннеле. Сейчас с обеих сторон дороги было запустение. Нескошенная пшеница лежала в грязи, прибитая дождем. То здесь, то там валялись раздувшиеся трупы коней. Над опустевшим полем тяжело кружились черные стаи воронья.

У села Каплунивка Гущин попросил остановить машины. Село было сожжено карательным отрядом. На его месте торчали только печи и высокие неуклюжие трубы. Во всем селе не было ни одной живой души.

Гущин прошел обгоревшим фруктовым садом к центру села. Никого. Только одичавший рыжий кот выскочил у него из-под ног и побежал вперед по мертвый, обездевшей улице. А ведь всего два месяца назад здесь была жизнь. В этом саду стояла пасека; на том конце села — птицеферма с прекрасными плимутроками. Каплунивские плимутрохи держали в Полтавщине первое место по яйценоскости. Их возили в Москву на сельскохозяйственную выставку, ими гордились.

И вот, все, что еще так недавно дышало жизнью, исчезло. Куда ни глянешь — только кучи золы, пепла и этот одинокий одичавший кот.

В автобусе Дмитрий сказал, обращаясь к товарищам:

— Смотрите, ребята, да мотайте на ус. За все

помянем немцу: за каждую слезу, за каждую тра-
винку.

С головной машины нетерпеливо сигналил Пере-
пелица. Надо было двигать дальше к Сорочинцам,
к тому самому селу, где стояла его родная МТС.

Машины снова помчались по шоссе. С пригорка
Перепелица уже видят три вербы. Еще километр
за вербами — и откроется вид на Сорочинцы.

Вот, наконец, и само село. Все как-будто на ме-
сте. Но что это? Почему бронзовый бюст Гоголя
валится у пьедестала? Перепелица вопрошающе
смотрит на Черешню.

Тот властно поднимает голову и бросает какую-
то фразу по-немецки. Федоту сейчас не до памят-
ника. Он превратился в немецкого лейтенанта и
репетирует свою роль.

У ворот сельскохозяйственного училища, где раз-
местился штаб, Черешня молодцевато выскакивает
из мотоцикла и ловко вбегает по ступенькам на-
встречу майору Дитрихсу.

— Лейтенант Гребер, — рекомендуется он.

Гущину приятно смотреть на друга. Военная
форма как-то подчеркнула его статную, ладную фи-
гуру, и он почти совсем не отличался от рядом
стоящего подтянутого майора.

Держался Черешня, как заправский службист.
Его способности перевоплощаться можно было
только завидовать.

В разговоре с майором он был предупредителен.
Когда же ему приходилось отвечать на вопросы
подхорунжу, то в его тоне появлялась какая-то
снисходительность. Он не разговаривал с Табачен-
ко, как равный с равным. Нет. Он только удостаи-
вал того ответом, стараясь этим показать, что не-
мецкий офицер никогда не станет на одну доску со
всякой петлюровской сволочью. Союзники, да — но
не больше.

— Ну и артист, — восторженно буркнул Топчий.
А Черешня в это время говорил майору:

— Этот поп очень противный субъект, капризный, упрямый. Но что делать? — Черешня в этом месте презрительно приподнял левую бровь. — У этого попа огромное влияние на местное население. Полтавские жители считают его чуть ли не святым.

Майор улыбнулся.

— Разрешите представить?

— Ну, что ж, это будет первый святой среди моих знакомых.

Черешня пошел к автобусу.

— Слушай, Топчий, тебе придется сейчас поручаться с майором, только, смотри, без глупостей.

— Он брезгует немецким, — зашептал из машины Лискун.

— Я ему побрезгаю, — отрезал Черешня и, повернувшись к Гущину, добавил:

— Вы давайте к школе и станьте так, чтобы было незаметней. Где Лабурда?

Черешня беспокоился за командира разведки совершиенно зря. Лабурда уже действовал. Он остановил свой мотоцикл еще у въезда в село и в суматохе незаметно срезал телефонные провода.

Что же касается Топчия, то, несмотря на предупреждение, он остался верным себе. И, если знакомясь с майором, он только скорчил кислую мину, зато на подхорунжем он отыгрался вволю. Здороваясь с петлюровцем, он так зажал его руку в своей гигантской ладони, что тот от боли присел на корточки.

— Хлипок, батюшка, — прогудел Топчий и, поглядев на небо, сказал Черешне:

— Солнце над Вифлеем-горой встало. Воздадим же богу богово...

— Отец Амвросий торопится со службой, —

бросил Черешня подхорунжему. — Распорядитесь, чтобы ваши солдаты приготовились к молитве.

— Как прикажете выходить — с оружием и знаменами?

— Ни, — резанул Топчий, — в дом божий с железом не ходят. Бог говорил — приходите ко мне с любовью и миром, а не с автоматами.

Табаченко удивленно посмотрел на Черешню.

— Ничего не сделаешь, — сказал Федот. — Сейчас парадом командует отец Амвросий, — придется подчиниться.

Подхорунжий с неохотой пошел к казармам.

— Что случилось? — спросил майор, не понимавший по-русски.

— Пустяки, — ответил Черешня. — Небольшие разногласия между православными.

Пока шли все эти разговоры, партизаны тихо занимали свои посты. Перепелица так поставил мотоцикл, что дуло пулемета незаметно выглянуло через щель забора во двор школы. Сам Никола стал рядом у кустов. Понемногу около школы начал собираться народ. Сначала прибежали ребятишки. Они пугливо проскользнули мимо немцев к забору, чтобы поглядеть на ярких, цветастых петлюровцев, заполнивших двор школы. За ребятишками притащились старики. Этих петлюровцы, как видно, интересовали мало. Старики пришли посмотреть на автоматчиков. Они устроились поодаль от партизан и стали тихо обмениваться впечатлениями.

Вскоре к старикам присоединились девки, и Никола Перепелица услышал довольно неприятный для себя разговор:

— Дывысь, Маруся, — зашептал знакомый голос Катерины Чередниченко, — Микола.

— Який Микола?

— Да оце ж наш Перепелица из МТС.

— Ты шо, сказылась? — бросила в ответ Мару-

ся. — Глядишь на немца, а говоришь — Микола?

— Ну, если бы не эта поганая форма, сейчас пешла бы до него. — Перепелица вздрогнул. «Этого еще не хватало» — подумал он.

— Да, ей богу, — не унималась Катерина. — Тильки наш Микола был плюгавый ростом, а этот видный из себя мужчина.

— Кто плюгавый? — грозно спросила Маруся. Теперь уж она пошла в наступление. — Вин усо зиму женихался со мной, так я что-то не заметила, что он плюгавого росту.

— Женихался с тобой? — удивилась Катерина.

— Да у мене от Перепелицы карточка имеется.

— У тебе?

— У мене.

Никола Перепелица понял, что сделал в свое время оплошность, ухаживая сразу за двумя девушками. И так как эта оплошность могла окончиться сейчас для всего отряда довольно печально, ибо девушки начали уже препираться полным голосом, то Никола грозно потряс своим автоматом и, двинувшись на соперниц, гаркнул по-немецки единственную фразу, которую знал:

— Гут морген!

Мальчишки и девчата бросились врассыпную. Между тем, Топчий уже начал церковную службу. Широко размахивая кадилом, он дважды протащил петлюровцев вокруг школы, читая нараспев отрывки тех молитв, которые запомнились ему с детства. Эта комедия уже начала надоедать новоявленному попу, а Черешня между тем все медлил с сигналом. Черешня ждал Лабурду, который должен был разведать и сообщить, не остался ли кто из петлюровцев в казарме.

Топчию пришлось в третий раз обойти школу.

— До каких пор он будет ходить? — спросил фон-Дитрихс.

— Пока не уморит злых духов, господин майор,— ответил Черешня.

— А их много?

— По одному на каждого грешника, — сказал Черешня, кивая головой в сторону петлюровцев.

— Это слишком утомительно.

— Что делать, господин майор, таковы обычай этой страны.

Из окна школы показалась, наконец, голова Лабурды. Черешня вытащил платок, и Топчий воспрянул духом. Он поднялся на самую верхнюю ступень школьного подъезда и гаркнул во все горло:

— На колени!

И когда петлюровцы опустились на влажную землю, Топчий добавил:

— А теперь помолимся за мать нашу Украину, которую вы, сукины дети, продали немцу.

Сказав это, Топчий повесил на дверную ручку кадило и, вытащив из глубоких карманов рясы две гранаты, стал вкладывать запалы.

— Что он делает? — крикнул майор Дитрихс и обернулся к Черешне.

— Господин майор, оставьте украинцев в покое, у них свои счеты.

Майор выхватил пистолет и побежал к Топчию. Но он не сделал и пяти шагов, как сзади раздался выстрел Черешни. Петлюровцы в замешательстве начали подниматься с земли.

— На колени! — снова гаркнул Топчий и угрожающе поднял гранату.

— Эх, вы, — сказал он, — богу молитесь, а честью своей и верой торгуете, как барышники. Немец залил нашу землю кровью и слезами, а вы этому немцу зад лижете.

Петлюровцы попробовали броситься к воротам, но оттуда на них глянули дула трех автоматов. Они шарахнулись к забору, там стояли пулеметы.

Партизаны были всюду — и у школьных окон, и у калитки. Петлюровцы сбились кучей перепуганных баранов на середине двора.

— Именем народа, по врагам и изменникам, — крикнул Топчий и бросил гранату.

Со всех сторон застручили автоматы. Эта суповая расправа продолжалась минут десять и, когда на школьном дворе не осталось ни одного живого петлюровца, Дмитрий Гущин принял команду от Черешни. Он собрал на площадь мужиков и раздал им все оружие, которое было в петлюровских казармах.

— Будете вы партизанами или не будете, — сказал Гущин, — я не знаю, но винтовочки советскую снести в лес и запрятать. Станет немец лютовать, захочет он пожечь Сорочинцы, как Каплунивку, вспомните, мужики, об оружии.

Когда партизаны садились в машины, к Гущину подошел Перепелица.

— Дмитрий Филиппович, есть желающий вступить в отряд?

— А ты его знаешь?

— Да, это из нашей МТС.

— Ежели Перепелица за него ручается — милости просим.

— Поручиться, конечно, можно, — сказал Перепелица, замявшись, — только этот желающий неподходящего пола.

Из-за плеча Перепелицы показалось лицо смущенной девушки.

— Как звать? — спросил Дмитрий.

— Катериной Чередниченко.

— Немца любишь?

— Немца? — спросила Чередниченко и бросила скороговоркой: — Да шоб у него было сорок домов, да в каждом доме по сорок комнат, да в каждой комнате по сорок коек, да шоб этого нем-

ца схватила лихоманка, да кидало бы его с одной койки на другую и так через все комнаты, да через все дома, и шоб он издох, проклятый!

— Вот это притча! — сказал Гущин и, обратившись к партизанам, спросил: — ну как, товарищи, порешим — брать или не брать в отряд девок?

— Про других не знаю, а эту можно, — сказал Лискун, а Топчий добавил:

— Хорошая девка в большом хозяйстве не помеха. Она и обошьет, и постирает, и борщ сготовит.

— А немца бить? — заволновалась Катерина.

— Ну, конечно, не без этого, — ответил Гущин и, широко распахнув дверь автобуса, пригласил девушку внутрь.

ИНТЕНДАНТСКАЯ СКОТНИЦА

В один из дней октября на улицах Миргорода появился «беспрizорник». По внешнему виду ему можно было дать лет тринадцать—четырнадцать. В громадных, рваных сапогах, в пиджаке с отцовского плеча, в старом огромном картизе, спадавшем до самого носа, Гришу Лабурду легко можно было принять за одного из героев кинокартин «Путевка в жизнь». Да он, собственно, и старался всем своим поведением, ухватками, костюмом, как можно больше походить на беспрizорника. Маленький рост, приносивший когда-то столько огорчений старшему пионервожатому села Николаевки, оказался сейчас как нельзя кстати. Правда, трудно было Грише привыкнуть к грязи, но чего не сделаешь ради важного поручения. Перед тем, как уйти в Миргород, Лабурда дней десять не мыл лица, рук, шеи и в конце концов стал такой чумичкой, точно всю жизнь ночевал в котлах из-под асфальта. С помощью Черешни Гриша разучил яе-

сколько песен и, хотя голос у Лабурды был скверный, он все же пел на улицах Миргорода, ни- сколько не смущаясь.

Своим репертуаром он варьировал в зависимости от обстоятельств. Если в толпе было много женщин, в работу пускались лирические песни со слезой:

„Позабыт, позаброшен
С молодых, раиних лет..

Или же:

„Тучи над городом стаій,
В воздухе пахнет грозой...

Для немцев Гриша пел озорные частушки:

„Я свою, да милаю
Из могилы вырою...“

Иногда к старой песне он прибавлял новую строчку и все оставались довольны:

„Позаастали стежки-дорожки,
Где мы гуляли после бомбажки“.

Аккомпанировал себе Лабурда деревянными ложками. Немцы приходили от этих ложек в восторг и, достаточно только было им увидеть Лабурду, как они кричали:

— Рус, стучи немножко.

Гриша ходил по Миргороду, пел и стучал ложками. И вряд ли у кого этот щуплый, чумазый оборвыш мог вызвать серьезные подозрения.

А Гриша не только пел. Дня через четыре после его появления в Миргороде у интенданта военного госпиталя Рихарда Вайнера неожиданно исчезла гусятница. Это была тихая, забитая девушка и не о ней сожалел Вайнер.

Ну, сбежала и сбежала. Никто из украинских девушек не желает работать на оккупантов. Интендант печалился о другом. Этот прохвост верил в то, что Украина навсегда останется под немецким ярмом и поэтому исподволь обзаводился лич-

ным хозяйством. Вайнер решил осесть до конца своей жизни в Миргороде, а посему не отправлял в Германию тяжелые продовольственные посылки, как это делали его приятели, а «организовывал» птицу и скот только в живом виде. Вайнер имел уже корову, тройку поросят и довольно приличное стадо гусей. За всем этим нужен был глаз, а особенно за птицей. Осеню гуси наливаются жиром. Их нужно не только кормить дома, но и гонять на выпас в поле, в рощу. От этого гусиное мясо приобретает особый вкус. И вдруг в такое ответственное время интенданское стадо осталось без надзора. Вайнера во что бы то ни стало нужно было найти новую работницу. И не такую, которую нужно было бы заставлять работать из-под палки, а тихую, безотказную девушки, преданную своему хозяину и его дому.

Два дня гуси Рихарда Вайнера не были на выпасе, два дня интенданское сердце обливалось кровью. Но что делать? С какой бы девушкой Вайнер не начинал разговора, он видел в ее глазах вместо преданности только неуважение и злобу.

Вайнер уже было отчаялся найти себе хорошую служанку и вдруг совсем неожиданно такая служанка сама явилась к нему.

— Брешут люди, — сказала она, — что вам треба скотница?

— Треба.

Интендант уже давно готовился к поездке на восток, поэтому он довольно прилично изучил русский и украинский языки.

— А вы скотину любите? — спросил он.

— Да отчего же ее не любить? Иная скотина лучше другой лядины.

— Это правда, — не поняв иронии согласился

Вайнер — А у вас есть рекомендация от прежних хозяев?

— Нема. Прежде я жила в своей хате, у отца с матерью. Если бы не война, разве я пешла бы в скотницу.

— А как ваше имя?

— Катерина Чередниченко.

Вайнер записал это имя себе в блокнот.

— Красивое имя, — сказал он. — У меня в Германии осталась невеста, ее тоже зовут Катериной.

Но воспоминание о невесте не помешало интенданту учинить новой служанке основательный экзамен. Он заставил ее подоить корову, замешать болтушку для поросят, сварить пшена для гусей. Со всеми этими заданиями Катерина справилась хорошо. Особенно понравилось Вайнери, что девушка действовала не только быстро, но и экономно. Интендант был рачительным хозяином и этой стороне дела придавал особое значение.

Закончив экзамен, Вайнер показал новой скотнице дорогу на кухню военного госпиталя, откуда она должна была брать помои для поросят.

Так Катерина Чередниченко приступила к выполнению первого своего партизанского поручения. Ей надо было войти в доверие к Вайнери и завязать кое-какие связи с работниками госпиталя.

Что говорить, служба у немца была не из приятных. Она должна была заботиться о доме интенданта, в то время как ей хотелось поджечь этот дом вместе с его владельцем.

Спала Катерина в сарае, рядом с коровником. Поднималась она вместе с петухами и когда Рихард Вайнер появлялся на скотном дворе, здесь уже все блестело от чистоты. Затем начиналась приемка продуктов от хозяина. Немец отвешивал ежедневную порцию отрубей, пшена и сена на

специально заведенном безмене — это для скотины; потом шла развеска хлеба и картофеля — это для работницы.

Рихард Вайнер каждое утро сам ощупывал кур для того, чтобы проверить, не обманывает ли его работница при ежевечерней сдаче яиц.

Лес — это было единственное место, где отыхала Катерина. Немецкие часовые беспрепятственно выпускали из города интенданскую служанку, когда она гнала перед собой гусиное стадо на выпас. И здесь в лесу из-за кустов к ней выходил Никола Перепелица.

— Ну как? — спрашивал он.

— Нехай сгорит ваш немец, — бросала она в ответ. — Чтоб его, курошуну проклятого, черти на том свете за печенку на безмене повесили. Мужик, а хуже свекрови.

— Ну вот, опять раскудахталась, — говорил Перепелица.

— Я шла в партизанский отряд бить немцев, а из меня служанку господскую сробили.

— Да ты не сердись, мое серденько, — ласково говорил Никола, привлекая к себе девушки.

И от этих ласковых слов Катерине становилось легче и она, забыв об унижении, которое ей приходилось испытывать в доме Вайнера, начинала говорить о деле.

— Видела я вчера Вареньку.

— Разговаривала?

— Ух, какой ты нетерпеливый, Никола. Может, полюбилась тебе эта Варенька?

— Да не мне, — и для того, чтобы сразу успокоить ревнившую девушку, Перепелица легким посвистом вызвал из кустов Черешню.

— Варенька в госпитале, — волнуясь, сказал он Федоту, — Катерина видела ее вчера.

— Что она говорила? — спросил Черешня.

— Значит, пишла я вчера в госпиталь за помоями. Гляжу, заходит на кухню такая видная из себя сестрица, в белом фартуке с фестончиками...

Перепелица тяжело вздохнул. Он хорошо знал Катерину и поэтому, кисло улыбнувшись Черешне, молчаливо пригласил его набраться терпения. Раз Катерина начала говорить о фестончиках, значит, до существа дела она дойдет не раньше, чем закончит описание, во-первых, Варенькиного пальто, а, во-вторых, всех своих нарядов, пошитых за последние пять лет и оставленных в Сорочинцах.

И для того, чтобы не обижать девушку, наши партизаны сделали вид, что их страшно интересует разговор о женских нарядах, и выслушали до конца длинное повествование Катерины.

ПЕЧИ С НАЧИНКОЙ

Тяжело доставалась Варе Коротенко работа у немцев. В городе ее считали изменницей. Достаточно было сестре военного госпиталя появиться на улице, как люди брезгливо переходили на другую сторону. За своей спиной она постоянно слышала ругань. Женщины называли ее продавшейся гадиной, мужчины — еще обиднее. И никому, ни одному человеку она не могла сказать слова в свою защиту. Как-то в толпе на рынке она даже заплакала. Две девушки бросили Варе в лицо комок навозной гущи и ни один человек не заступился за нее. Порой Варе хотелось остановиться на улице и крикнуть всем этим людям, презирающим ее, что она такая же патриотка, как и они, и что она любит Украину так же сильно, как и каждый из них. Но кричать было нельзя. Во-первых, ей бы не поверили, а, во-вторых, она не могла сказать главного.

Варя Коротенко работала в немецком госпитале больше месяца и каждый день этого месяца был для нее пыткой. Она давно бы сбежала из Миргорода в Кочубеевский лес, но ее уговорил остаться здесь Нестор Алексеевич Иванченко.

Иванченко был старшим садовником миргородской группы санаториев. Это он разбил чудесный парк на месте никогда не просыхавшей лужи, которую увековечил в свое время Гоголь.

Нестор Алексеевич всю свою жизнь, а было ему уже около шестидесяти лет, имел дело только с флоксами, гвоздикой, ирисом, маргаритками. Цветы были его стихией. Он их любил, умел с ними дружить, разговаривать. Он вывел двадцать семь сортов георгина совершенно новой расцветки и засадил этими георгинами целую аллею.

Но вот в Миргород пришли немцы, и у Нестора Алексеевича появилась новая обязанность. Горком партии оставил его в городе для подпольной работы. Он жил, как и прежде, в саду санатория, в котором немцы устроили свой госпиталь, и целый день возился в оранжерее. Однако, теперь с разрешения немецкого коменданта он открыл при оранжерее небольшой киоск и по вечерам торговал цветами. Спрос на флоксы и хризантемы среди миргородских жителей был небольшой, но это не очень огорчало старика. Цветочный киоск позволял Нестору Алексеевичу встречаться с нужными ему людьми, не вызывая подозрений немцев.

И вот здесь в киоске старый садовник познакомил Варю с тремя миргородскими комсомольцами и поручил им держать под наблюдением здание педагогического училища.

Училище было расположено против окон госпиталя. Таким образом, Вареньке было легче, чем комсму-либо другому, следить за тем, как идет пе-

оборудование учебных корпусов под казарму. Ест, собственно, что и держало Вареньку Коротенко в Миргороде и заставляло ее работать в немецком госпитале. Но разве она могла сказать об этом поручении на улице, людям, которые считали ее предательницей?

Но как ни тяжело было Варе, она продолжала оставаться в госпитале и сообщала Иванченко о всех своих наблюдениях. Зачем старику нужны были эти наблюдения, как он использовал их, Варенька не знала. Ей были известны только имена трех миргородских комсомольцев, с которыми она работала в одной группе. А каков был общий план Нестора Алексеевича и были ли у него в организации еще какие-нибудь группы, этого Варя не знала. «Раз старик молчит, значит, так должно быть», — думала она.

За устройством казармы, между тем, неустанно следило не мало глаз. Гриша Лабурда скоро заметил, что кроме него, кто-то еще усиленно интересуется будущей казармой.

Немцы согнали для ремонтных работ человек тридцать местных жителей. Как-то утром в числе этих тридцати незаметно втесались трое кочубеевских партизан. Внешним видом они никак не отличались от мобилизованных. Поэтому на них немецкий часовой не обратил даже внимания.

Так, начиная с этого утра, партизаны превратились в ремонтных рабочих. Перепелица и Василий Губанов таскали наверх кирпичи, Федот Черешня перекладывал немцам печи.

Работа по перекладке шла успешно. Немалая роль в этом успехе принадлежала гусиному стаду интенданта Вайнера. Каждый вечер, возвращаясь из леса, Катя Чередниченко проносила мимо немецких постов под платьем по два-три килограмма

взрывчатых веществ. Ночью Гриша Лабурда подтаскивал динамит поближе к училищу, а утром он попадал в руки Черешни и замуровывался в печных дымоходах.

Но если партизаны работали по всем правилам конспирации, то этого никак нельзя было сказать о новых товарищах Вари Коротенко.

Однажды ночью, перетащив очередную партию динамита из интенданского коровника к кирпичным штабелям, Гриша Лабурда явился свидетелем такой картины.

Двоих молодых парней, — Гриша не раз видел их прохаживающимися мимо казармы, — подошли к воротам бывшего педагогического училища и, наклеив какую-то листовку, перебежали на другую сторону и скрылись в ближайшем доме.

— Э-э, грубо работаете, ребятки, — подумал Лабурда.

Он кошкой пробрался к воротам и, сняв листовку, спрятал ее в карман.

— Листовки сейчас ни к чему, — сказал он про себя. — Дразнить немцев, когда Черешня не закончил начинять печи, дело глупое.

Затем он подошел к дому, куда скрылись ребята. Ему хотелось войти внутрь и по-товарищески сказать им, что клеить листовки так, как клеят они, нельзя. Ну, хорошо, — сегодня им повезло, и они нарвались на него — Лабурду, а что, ежели бы на месте Лабурды оказался немец? Он бы не только увидел тех, кто клеит листовки, но сразу бы нашел дом, где они прячутся...

Ребят надо предупредить. Но как? Войти в дом — это значило дать понять незнакомым людям, что под лохмотьями оборванца прячется не беспризорник, как его привыкли считать в Миргороде, а кто-то другой. Лабурда не хотел риско-

зать. Поэтому он вытащил из картиза огрызок карандаша и написал на клочке бумаги:

— «Идиоты, плохо маскируетесь. Одну листовку двоим kleить не к чему. И потом забудьте о парадных подъездах. Подпольщики должныходить домой огородами. А вообще не робейте. Знайте, вокруг вас много друзей. «К. и М.».

Поставив последнюю точку, Гриша тихо постучал в дверь и, когда на пороге показались оба паренька, — даже на стук они вышли вместе, — Лабурда сунул одному из них в руку записку и скрылся в темноте.

Этой же ночью Гриша доставил сорванную листовку Черешне. В ней было всего несколько фраз, адресованных к немецким солдатам. Текст был написан от руки, под текстом стояла подпись: «К. и М.».

— Нет, не тем занимается Варенька, — сказал Федот и попросил Лабурду организовать ему на завтра через Катерину встречу с «сестрой немецкого госпиталя».

* * *

Варенька осторожно вошла вслед за Катериной в дом интенданта Вайнера:

— Ты не бойся, — сказала Катерина, — немец в госпитале, придет не скоро.

Варя недоверчиво огляделась вокруг. Со всех сторон на нее смотрели атрибуты маленькой украинской кухни: чисто вымытая посуда, побеленная русская печь, горшки и крынки, выставленные по ранжиру на полках, ухваты, чапельники, сковородки. Мирный вид кухни ее немного успокоил. Варя посмотрела на Катерину и сказала:

— Пишла за тобой, а зачем? Может, ты мне зла желаешь...

— Зла? Гутаришь, сама не знаешь чего. Я тебе с хлопцем хорошим хочу познакомить.

— Ни, не треба мени твоих хлопцов,—Варя встала и решительно пошла к двери.

Но дверь в это время открылась сама и на пороге выросла крепкая, коренастая фигура Гущина.

— Дмитрий, — вскрикнула Варя и протянула навстречу любимому руки.

— Вот тебе и не треба, — смеясь сказала Катерина, — говорила уйду, а сама ни с места.

— Катерина, — сердито прошипел из-за двери Перепелица, — марш до мене, сорока брехучая.

Катерина, хитро подмигнув из-за спины Гущина Вареньке, тихо скользнула во двор.

— Жив, мой милый, — говорила Варя, ласково глядя в глаза Дмитрию. — А я уже не чаяла, что свидимся. Лютует немец проклятый над партизанами.

— Забудь о немцах, Варенька, скажи, почему не пришла? Ждали мы, каждый день ждали. Я уже трижды хоронил тебя. А чертяка Черешня знал, где ты, и молчал. А сегодня привел и ведь не сказал, что к тебе.

— И Федот здесь?

— Здесь!

Дмитрий открыл дверь и втащил в кухню Черешню.

— Ну, Варенька, давай почеломкаемся, — сказал Федот и неумело прижался к девичьей щеке губами.

— Опять вместе с Дмитрием? — спросила Варя.

— Опять, а кто-ж нас разлучит?

— Вот только тебя нехватает, Варенька, — сказал Дмитрий.

— Разве ей до нас, — ответил Федот, — Варень-

ка с партизанами зваться не хочет. Она теперЬ подпольщица.

— Правда? — спросил Гущин.

Варенька вспыхнула, но не ответила.

— Да что ты таишься? — сказал Черешня. — Нам все известно.

И, вытащив из кармана листовку, он подал ее Дмитрию.

— Варенькина работа. Вот только много ошибок. «Геноссен», Варенька, пишется по-немецки через два «с», а фразу «проверните свое оружие против Гитлера» правильнее было бы поставить в настоящем времени.

— А я и не знал, что в Миргороде работает подпольная организация, — сказал Гущин.

— Мы об этом не кричим, — обидевшись ответила Варенька.

— Кричать и не надо. Немец сидит в Миргороде уже около двух месяцев, а вы его даже не беспокоите. Листовочки какие-то пишете."

— Что же плохого? Разве немца не надо агитировать?

— Надо, Варенька, — сказал Дмитрий, — только другим способом. Сначала бросай бомбу, а потом листовку. Вот тогда их, сволочей, проймешь. Они казнят наших людей, жгут наши села, а вы им «геноссен». Тихие у вас комсомольцы, Варенька. Немцы пекут в вашей пекарне хлеб для своих солдат, а вы даже не сумели спалить этой пекарни.

— А виселица?

— Вешают они и без этого нашего брата, так пусть хоть за дело. Пусть знают, что жива Украина.

— Ну, хорошо, — сказала Варенька и, обняв Дмитрия, как-то торопливо вышла из кухни.

— Ну вот, встретились, поговорили, — грустно

сказал Черешня. — Нет, не уютный ты человек, Дмитрий. Девушка заждалась тебя, настрадалась. А ты? И зачем только я привел тебя сюда? Самому надо было мне вывезти Вареньку из Миргорода.

— Не гуди, — сказал Гущин, — и без тебя тошно.

Но Черешня не хотел молчать.

— Пекарня! Разве мы сами не могли запалить ее?

— Самим всего не сделать, Федот, — заявил Дмитрий. — Надо учить людей своими собственными руками бороться с немцами. Ты гляди, — и Дмитрий показал на кастрюли, ухваты, крынки, — какой-то поганый немецкий интендантишка, а живет в Миргороде, как у тещи. Земля наша должна гореть у них под ногами. Так пусть Варенька поможет миргородцам, она же связана с ними.

Дмитрий говорил, но на сердце у него было неспокойно. Он гордился поведением своей любимой, тем, что она, не задумываясь, взяла на себя такое опасное поручение, а в глубине души шевелилась тревога за ее судьбу. «А что, если немцы поймают Варю? — думал Гущин. — Они же растопчут, разорвут эту смелую, красивую девушку...».

Прошло два дня, а на третий в Миргороде вспыхнула немецкая пекарня. Однако, первая диверсия, организованная миргородскими комсомольцами, прошла неудачно. Двое из четырех поджигателей, в том числе Варя Коротенко, были схвачены.

Гриша Лабурда, которому поручили негласное шефство над сестрой немецкого госпиталя, прибыл к пекарне слишком поздно. Единственно, что ему удалось узнать — это место заключения комсомольцев (арестованных отправили не в военную комендатуру, а в управление полиции, расположеннное неподалеку от пекарни).

Комсомольцев трижды водили на допрос. Де-

дежурный пытался выведать у них имена сообщников, но комсомольцы молчали. Молчали, несмотря на то, что им выворачивали руки, били прикладами.

От пыток Варя трижды теряла сознание, но дежурный был неумолим. Он устраивал перерывы в допросе и возобновлял его тотчас же, как только девушка приходила в себя.

— Так кто из вас хочет дать показания? — спрашивал немец после каждого перерыва.

На третьем допросе товарищ Вари Толя Крылов не выдержал. Это был девятнадцатилетний студент педучилища, тот самый паренек, которому Гриша Лабурда несколько дней назад адресовал свою записку.

Толя тяжело встал с пола.

— Вы хотели что-то сказать? — переспросил дежурный.

Варя болезненно застонала. «Неужели изменит» — подумала она. И, приподняв опухшие от слез веки, Варя со страхом посмотрела на Толю.

Крылов медленно шел вперед.

— Я хотел сказать...

И собрав последние силы, измученный, израненный пытками комсомолец наотмашь ударил офицера.

Под утро в управление прибыли партизаны: доктор Слоним, одетый в форму немецкого ефрейтора, и Василий Губанов — в форме рядового немецкого солдата.

— Мы из комендатуры за арестованными, — сказал доктор по-немецки и подал дежурному записку.

Дежурный подозрительно оглядел явно не арийское обличие ефрейтора. Эта подозрительность увеличилась еще больше, когда он прочи-

тал записку. Составлена она была явно не по форме и без печати.

Но дежурный не подал вида о своих подозрениях.

— Сейчас я распоряжусь относительно арестованных, — сказал он и вышел в соседнюю комнату.

Дежурный соединился по телефону с комендантурой. Как и следовало ожидать, там немало удивились приходу ефрейтора и приказали задержать.

— Я сам приеду за ним, — сказал военный комендант.

Не успел дежурный отойти от телефона, как к полиции подъехали две машины. Из одной вышел офицер, из другой — пять автоматчиков.

— Это они? — строго спросил офицер.

— Они, — ответил дежурный.

— Взять! — приказал офицер.

Автоматчики без труда обезоружили доктора и Губанова.

— Где арестованные? — спросил офицер.

— Внизу.

— Немедленно доставить сюда, мы забираем их.

Тroe автоматчиков отправились вместе с дежурным вниз и вынесли оттуда на руках Вареньку и Анатолия. Мужественный комсомолец был мертв.

— В машину, — распорядился офицер.

— Но... господин комендант хотел сам приехать за арестованными, — сказал дежурный.

Офицер посмотрел на часы.

— Он будет здесь через три минуты. Кстати, передадите ему этот пакет.

Через три минуты военный комендант действительно явился в управление полиции,

- Ну, где ваш ефрейтор? — спросил он.
- Как? Его только-что увезли.
- Кто?
- Офицер из комендатуры.
- Вы не умеете шутить! — резко сказал комендант.
- Уверяю вас, — промолвил пёбледневший дежурный.— Он забрал с собой ефрейтора и арестованных.
- И даже арестованных? Этот офицер предъявил вам какой-нибудь документ?
- Нет.
- Вы хотя бы фамилию его знаете?
- Нет.
- На каком же основании выдали арестованных?
- Офицер прибыл через две минуты после нашего разговора по телефону.
- Болван! От комендатуры до управления десять минут езды на машине. У них вся операция была рассчитана на эту разницу во времени.
- Комендант зло сплюнул и пошел к двери, но дежурный остановил его.
- Вам оставлен пакет.
- Комендант разорвал конверт и вытащил записку. В ней было несколько слов, написанных рукой Черешни:
- «Когда поедете в погоню, остерегайтесь поворотов. Там заложены мины.

К. и М.»

Комендант выскочил на улицу. В это время со стороны казармы раздалось несколько взрывов.

— Это они,— крикнул комендант.

Но это были уже не они. Это были дневальные маршевого резервного батальона, разместившегося в эту ночь в отремонтированном здании бывшего педагогического училища.

Дневальным было приказано растопить печи.
Они и растопили...

КТО ВЫ БУДЕТЕ?

Варя Коротенко с трудом поправлялась после кошмарной ночи в управлении полиции. Доктор Слоним прилагал все свое искусство, чтобы облегчить страдания девушки и быстрее поставить ее на ноги.

Компрессы и примочки, конечно, оказывали свое целебное действие, но главное, от чего прибывали силы Вареньки, заключалось не в бутылках с лекарством. Варя поправлялась оттого, что могла разговаривать с доктором Слонимом, видеть Черешню, сидеть рядом с Гущиным и держать его руку в своей.

Дмитрий чувствовал себя виноватым перед Варей, виноватым за все страдания, которые она испытала. И все же, если бы его спросили сейчас, правильно ли он поступил, заставив девушку организовать диверсию, он ответил бы:

— Правильно.

И поджог пекарни, и арест комсомольцев, и их побег произвел в городе исключительное впечатление. Жители Миргорода, считавшие сестру немецкого госпиталя предательницей, сейчас превозносили ее, как героиню. Имя Вари было у всех на устах.

Гриша Лабурда, возвратившийся только на днях из Миргорода (партизаны оставили его на неделю в городе для наблюдения), говорил, что народ приписывает даже взрыв казармы местным комсомольцам. И хотя немцы дважды прочесывали минометным огнем миргородский лес, пытаясь уничтожить партизан, город пø прежнему

верил в то, что печи начинялись динамитом не партизанами, а молодыми подпольщиками.

Варенькин почин сыграл огромную роль. Вслед за пекарней кто-то поджег интендантский склад с продовольствием, а перед самым уходом Лабурда взлетели в воздух баки с бензином на бывшей базе Нефтеторга.

Питомцы Нестора Алексеевича Иванченко, как видно на ходу меняли свою тактику.

Но Гриша Лабурда принес не только эти приятные известия. Он рассказал, что в трех селах, через которые ему пришлось проходить, народ резко изменил свое отношение к партизанам.

В Ванечкином лесу под Романивкой начала действовать какая-то подозрительная группа. Участники этой группы являлись по ночам в села, забирали у крестьян продовольствие, одежду, а из Николаевки они захватили даже трех гуляющих девок. И все это, якобы, для партизан.

— Что же это такое? — говорили мужики. — Немцы грабят, пришли партизаны — опять грабеж.

Эта подозрительная группа не только грабила. Она оставляла после себя в селах издевательские расписки. Лабурда сам видел штук десять таких расписок. А одну из них он даже принес с собой.

«Прирезанная корова, баян и одна пара кожаных сапог, взятые партизанами в пользование, будут возвращены владельцу на следующий день после войны с 8 до 10 часов утра в энском лесу близ села Р».

Под распиской стояла подпись: «К. и М.».

— Это, конечно, провокация, — решил Гущин. — Но кто ее организовал?

Во всех трех селах, в которых побывал Лабурда, мужики утверждали, что вещи забирали у

них свои же, украинцы. Ни одного немца среди грабителей они не видели.

«Если это были действительно грабители,— думал Гущин,— зачем они ставили под расписками К. и М.?».

Дмитрий собрал партизанский совет, на котором было решено отправить отряд в Ванечкин лес, выяснить на месте, что и как, и только после этого начинать действовать. В экспедицию выделили семь человек. Гущин разбил семерку на две группы и, оставив лагерь на попечение Черешни, ночью отправился в Ванечкин лес.

Бандиты устроились в этом лесу довольно комфортабельно. Они заняли пустующий дом лесника и отсюда производили свои набеги на село. Дом был крепкий, под железной крышей, и негодяи жили здесь припеваючи. Правда, в расположении дома был существенный недостаток. Он был слишком близко к дороге, по которой ездили немцы. Но это, как видно, не смущало бандитов.

Гущин обратил на это внимание и...

Но об этом после.

Прежде чем попасть к дому лесника, партизаны наткнулись на часового.

— Кто идет?

— Мужики,— ответил Дмитрий.

Дело происходило днем. Часовой оглядел Гущина, Топчия, Яренко и Катерину. В их костюмах он не нашел ничего подозрительного. Однако подумал: отпустить или задержать? И решив задержать, он повел всю четверку за собой к командиру отряда.

Глава шайки встретил партизан на террасе. Он сидел на табуретке перед керосинкой и жарил яичницу со свининой.

— Дмитрий Филиппыч,— сказал часовой,— арестованных привел.

«Эге, — подумал Гущин, оглядывая атамана, — а у него дело поставлено не глупо. Даже имя и отчество мое присвоил».

Атаман снял сковородку. Это был рослый, рыжий мужик, в грязных сапогах, в красноармейской телогрейке. Однако, несмотря на внешнюю мужиковатость, лицо у него было человека интеллигентного труда: учителя, ветеринара, а может быть — механика.

— Кто вы будете? — спросил атаман.

— Божьи люди, — ответил Топчий.

— Откуда путь держите?

— Да идем оттуда, где нас уже нет. Спросишь — куда? Ответим: куда глаза глядят.

— Ты что говоришь притчами? Монах, что ли? — рассердился рыжий.

— Не монах, а поднесешь чарочку — перекрещусь.

— Такому бугаю разве чаркой, ведром подавать надо, — сказал давно небритый парень, тщетно подбиравший на баяне какой-то вальс.

— Сергей, помолчи, — отрезал рыжий и, обернувшись к Топчию, спросил:

— А баба с вами зачем?

— А ведь куда лошадь, туда и хомут.

Рыжий нетерпеливо передернул плечами и обратился к Гущину:

— А вы кто?

— Музыкант.

— На баяне можете играть?

— Если разрешите.

Гущин подошел к небритому и, сев рядом, на ступеньке, попробовал строй. Затем он растянул меша и одну за другой сыграл три грустных мелодии. Бандиты молча и внимательно слушали.

— Люблю музыку, — сказал рыжий. И, подойдя к Гущину, спросил:

— Вэ́т вы играли такое заунывное — та-ра-ра-рам, та-ра-ра-рам... Это не из «Фауста»?

— Нет, — сказал Дмитрий. — Вы напеваете из «Травиаты», а я играл из «Руслана и Людмилы».

Рыжий смущенно почесал ухо и неожиданно спросил:

— А вы бы не остались у нас? Я давно хочу завести в отряде музыканта.

— Сколько в месяц положите.

— У нас общий котел.

— Ну, как, останемся? — спросил Дмитрий у Топчия.

— А ваш товарищ что умеет делать? — задал вопрос рыжий.

Гущин посмотрел на сковородку и, не задумываясь, соврал:

— Он повар, работал когда-то в хороших ресторанах.

— Повар нам тоже нужен. Ну, как, братва? — спросил рыжий у своей банды. — Оставим их, что ли?

— Ежели бабой поделятся, — сказал небритый, — то можно.

— Ах ты, сучий выкормыш, — гаркнула Катерина и пустила полной пригоршней такую порцию крепких слов, от которой у небритого в глазах потемнело.

А Топчий приподнял его метра на два от земли и многозначительно шепнул на ухо:

— Ежели ты еще раз вспомнишь • бабе, я из твоих детей сирот сделаю.

— Ну-ну, довольно ссориться, — сказал рыжий. — Любовь — дело интимное. К кому эта дамочка порешит, к тому и пойдет.

Для того, чтобы разрядить обстановку, Дмитрий

снова взял в руки баян и заиграл какую-то разу-
хабистую плясовую.

В это время перед террасой появилась вторая
группа партизан. Часовой доложил рыжему:

— Дмитрий Филипич, примите арестованных.

* * *

Не все члены банды рыжего были профессио-
нальными ворами. Из восемнадцати человек (три-
надцать мужчин и пять женщин) только семеро
состояли в свое время на учете полтавского обла-
стного управления уголовного розыска. Здесь бы-
ли два конокрада, три карманника, майданщик и
домушник. Когда-то эти воры считались специали-
стами высокого класса. Но пришли немцы и вы-
сокий класс этих людышек померк. Немцы крали
куда солиднее. Уж если они забирались в дом, то
выводили оттуда не только какую-нибудь лоша-
денку, как это делали конокрады, а очищали все,
до бабьих сорочек включительно.

Немцы проводили всенародный грабеж, поэтому
мелким жуликам на этом большом воровском
празднике делать было нечего. Работать же честию
жулики не хотели, поэтому, когда они услышали,
что где-то в Ванечкином лесу какой-то рыжий
сколачивает банду, они пошли к рыжему. Воры не
задавали себе вопроса — почему рыжий назвал
свою шайку партизанским отрядом. Главное для
них было то, что шайка могла безнаказанно зани-
маться грабежом, а что касается названия, то на
этую сторону дела им было просто наплевать.

В Ванечкин лес шли не только воры. Сюда тя-
нулось всякое человеческое отребье. Раскулачен-
ные, боящиеся мести партизан, и, наконец, просто
трусы, которые хотели отсидеться в эти трудные
времена в безопасном месте.

Первые дни бандиты держали вновь прибывших под своим наблюдением, а потом бросили... «Да и чего следить, — думали бандиты. — Ребята попались компанейские. Один — мастак на баяне, другой на ложках, третий — это Лискун, — в карты, четвертого — про Топчия — ни один чорт не перепьет».

Мужчины чувствовали себя в бандитском логове более или менее уверенно, но значительно труднее приходилось Катерине. Бедная девушка все время старалась держаться поближе к Топчию, ибо только его богатырская сила спасала ее от постоянных домогательств. Раз или два Катерине пришлось пустить в ход кулаки, а однажды она угостила пьяного кавалера такой затрециной, от которой у него весь вечер на щеке горела девичья пятерня.

Но винить Катерине было некого. После Миргорода ей хотелось принять участие в настоящем партизанском деле и она слезно умоляла Гущина включить ее в семерку.

Несколько дней, проведенных в Ванечкином лесу, помогли партизанам понять, с кем они имеют дело. Надо было переходить в наступление.

Партизаны могли первой же ночью уничтожить всю банду, закидав дом лесника гранатами. Но Гущин решил по другому расправиться с бандитами.

В сарае, рядом с домом лесника, стоял змеевик. Бандиты гнали здесь из буряков, картошки, сахарной патоки самогонку. С того дня, как Топчий взял на себя все заботы по кухне, змеевик тоже перешел в его ведение. И вот на этом змеевике партизаны построили все свои расчеты. Топчий решил сварить новый сорт самогонки. Он взял два фунта махорки-самосада, дубовых листьев, клюквы и сварил целое ведро «громобойной запекан-

ки». Одного стакана этого «громобоя» было достаточно, чтобы свалить с ног быка. Но так как Топчий выдал к ужину бандитам не по стакану, а по два, то уже через час дом лесника дрожал от пьяного храпа.

Гущин, Топчий, Лискун, Катерина, Яренко и Василий Губанов обезоружили спящих и, связав их по рукам и ногам, оставили пропретевляться. Лабурда еще раньше был отправлен в Романивку узнать — есть ли там немцы или нет. Немцев в Романивке не оказалось и утром партизаны собрали на площади сход. Они выставили перед народом восемнадцать связанных бандитов и Гущин спросил:

— Эти грабили вас?

— Эти.

— А кто из них писал вам расписки?

Мужики показали на рыжего.

— Ну, с рыжего мы и начнем. А ну, господин хороший, говори, кто ты есть?

Рыжий молчал. Топчий подошел к нему и угрожающе плонул на ладонь. Это произвело свое действие, и рыжий глухо бросил:

— Переводчик я, из комендатуры.

— А зачем ты писал расписки от имени партизан?

— По приказу коменданта.

— Вы слышите, мужики, немцы не могут поймать партизан своими силами, так они выдумали этого рыжего. Они хотели поссорить нас с вами, чтобы вы отдали им в руки сынов своих.

Дмитрий снял наган и подошел к толпе:

— Мы перед вами. Ведите к коменданту.

— Господь с вами, Дмитрий Филиппич, что, мы не русские? — сказал какой-то мужичонка.

— А если русские, — грозно спросил Дмитрий, — то как вы могли спутать эту сволочь с советскими

партизанами, с людьми, которые не щадят жизни своей ради вас, ради Украины.

Народ виновато молчал. Гущин снова прицепил наган к поясу.

— Именем народа, — сказал он, — вся эта сволочь, — Дмитрий показал на бандитов — приговаривается к расстрелу. Мы не знаем их фамилий и не будем узнавать. Пусть подохнут проклятые безымянными собаками.

Лискун повел тринадцать бандитов к реке.

— А этих мокрохвосток, — сказал Топчий, показывая на бандитских подружек, — вы сами, мужики, выпорите, да как следует. Пусть под ремнем вспомнят про бабий стыд.

— У кого рыжий забрал вещи, — сказал Гущин, — поднимите руки.

В толпе поднялось несколько рук. Гущин подозвал этих людей к себе поближе.

— Идите сейчас в дом лесника, — сказал он, — и забирайте свои пожитки, а расписки сожгите.

* * *

Не прошло и недели после истории с Рыжим, как в Ванечкином лесу снова появились какие-то подозрительные люди. Вчера эти люди прислали в село своего ходока, который усиленно расспрашивал мужиков о партизанах. «Где они, да как их увидеть?» Обо всем этом рассказал отец Гриши Лабурды, пришедший в лагерь.

— А больше ходок ничем не интересовался? — задал вопрос Дмитрий.

— Просил он еще человек на сто еды.

— Ну, и как?

— Да вот мужики прислали к вам узнать: давать или нет.

— А вы не спрашивали ходока, что они за люди? Откуда пришли, куда путь держат?

— Говорят — пленные. От немцев сбежали из под Золотоноши. Лагерь там у них был.

Сообщение из Николаевки заставило партизан насторожиться. Что это — очередная немецкая провокация или же в Ванечкином лесу в самом деле прячутся свои, советские люди, которым партизаны обязаны оказать немедленную помощь?

Гущин посоветовался с товарищами и решил направить в Николаевку Лискуна. Там, на месте, приняв вид мирного селянина, Лискун должен был встретиться с ходоком и выведать всю подноготную о его людях.

Лискун ушел. Прошло два дня, а на третий, ночью часовые подняли тревогу. В Кочубеевском лесу со стороны Диканьки пробирались большие группы людей. Гущин отдал приказ приготовиться к бою. Автоматчики влезли на деревья «кукушками». Пулеметные расчеты выдвинулись к шоссе и залегли в волчьих ямах. Девушки получили винтовки, гранаты и поступили в распоряжение Топчия.

Сам Гущин, взяв с собой Лабурду и Перепелицу, отправился к дубу любви, чтобы с этой высокой точки определить силы противника и организовать ему достойную партизансскую встречу.

ДО СКОРОГО СВИДАНИЯ, ТОВАРИЩИ!

Лагерь притаился, замолк, ждал. К лесу короткими перебежками с разных сторон подходили тени. Их было много. Партизаны ждали, держа пальцы на спусках. Напряжение росло с минуты на минуту. И вот, когда это тягостное напряжение готово было разорваться треском пулеметного огня, к дубу любви подполз Лискун:

— Дмитрий Филиппович, — сказал он, — все разведано. Свои.

— Так что ж ты их тащишь без предупреждения, — возмутился Гущин. — Мы же могли перестрелять вас.

— Некогда было предупреждать, Филипич, — ответил Лискун. — Немец выследил пленных и стал обкладывать Ванечкин лес.

Гущин вложил пальцы в рот и резким троекратным посистом дал сигнал отбоя.

Через секунду этот сигнал повторил Топчий, затем Василий Губанов.

Вскоре у дуба собрались все командиры групп и Лискун коротко доложил о результатах своего путешествия в Николаевку.

В общем привел своих.

— А свои ли? Хорошо узнал? — подозрительно спросил Топчий.

— Да ведь как не узнать. Из ста двадцати человек — тридцать четыре моей собственной части, — радостно сказал Лискун.

— Оружие при них?

— Откуда? Голые они. Босые. Немцы в лагере даже сапоги с портянками со всех поснимали.

— Ну, коли босые, надо их вниз отправить, — сказал Гущин, — пусть согреются, отойдут.

Тяжело было партизанам смотреть на товарищей, побывавших в немецком лагере. Измученные, обросшие, в жалких рубищах на худом, грязном теле, — видно, дорого достался им плен.

Топчий подготовил для всех вновь прибывших ужин. Он выставил шесть ведер вареной картошки, кило соли и сто двадцать порций водки.

После еды Гущин спросил красноармейцев:

— Как думаете действовать дальше, товарищи?

— Хотим держать путь к своим через фронт, —
ответили несколько голосов.

— Пробраться, конечно, можно, только в каком
виде — одиночками или всем отрядом сразу?

— А мы и пришли к вам за советом. Как ска-
жете, так и будет.

— За доверие спасибо, — сказал Гущин, — толь-
ко советоваться давайте вместе. И уж как решим —
закон. Согласны?

— Согласны.

— У кого есть предложения?

Все молчали.

Можно было, конечно, обрядить красноармейцев
мужиками и вести их мелкими группами. Кое-кто
добрался бы, в конце концов, до своих. Но в таком
путешествии было мало толку. Партизанам хоте-
лось доставить отряд до частей Красной Армии
боеспособной единицей. И не только боеспособ-
ной, но и действующей. Им хотелось пройтись по
немецким тылам огнем и мечом.

Что и говорить, желание не плохое, но как реа-
лизовать его?

Лискун наклонился к Гущину и горячо зашеп-
тал ему что-то на ухо. И по тому, как расплыва-
лось в улыбку лицо партизанского вожака, все
присутствовавшие поняли — Лискун придумал что-
то дельное.

— План есть, — сказал Дмитрий. — Подробно
Лискун доложит нам завтра. А пока я могу ска-
зать только одно, тронемся мы отсюда через
неделю.

Утром был собран партизанский совет. План
Лискуна, как и следовало ожидать, — партизаны
приняли без возражений, и Гущин отдал несколько
неотложных приказаний. Перепелице — добыть де-
сять немецких грузовиков. Черешня должен был

к этому же сроку ознакомить партизан и красноармейцев с уставом строевой службы противника и научить их двум десяткам немецких слов, наиболее употребительных в фашистском обиходе: направо, налево, стой, шагом марш, болван, под арест, мадам, не упрямьтесь.

Группам Топчия и Губанова надо было побывать в Решетиловке и «одолжить» в немецком вещевом складе сто пятьдесят комплектов обмундирования.

Что же касается красноармейцев, то им было предложено учить немецкие слова и набираться сил.

Черешня оказался строгим педагогом. Он с первого же дня учебы ввел в своей школе режим немецкой казармы и никому, не прощал ни одной оплошности.

Обитатели Кочубеевского леса ворчали, но перечить Черешне не решались. «Назвался груздем, полезай в кузов!».

В пути отряду не раз, очевидно, придется встретиться с настоящими немцами и, если партизаны там начнут путать команду, то им вряд ли удастся благополучно добраться до фронта.

Топчий смотрел на эту учебу и отлевывался. Он был единственным человеком в лагере, который наотрез отказался записаться в школу Черешни.

Когда все приготовления к отъезду были уже закончены, Топчий сказал на партизанском совете:

— Остаюсь я, товарищи, на Диканьке. Ты, Филиппич, командир, ты и должен доставить весь отряд. А мне трудно будет в этом походе. Упрямый я, чтобы перед каждой немецкой мордой столбом вытягиваться. А за Варю не беспокойся. Будем беречь ее, как сестру свою.

Топчий обнял Гущина и на глазах этого сильного, большого человека навернулись слезы.

— Всегдаитесь только скорее, Филипич, — сказал он.

Что печальнее было расставанье у Дмитрия с Варенькой. Оба они знали, что расставание это необходимо, что вынужденная разлука будет кратковременной, и все же у обоих на сердце было очень тоскливо.

Вареньке хотелось уцепиться сейчас за Дмитрия и не отпускать его от себя ни на шаг. Но тут подошел Черешня. Он ездил с Перепелицей по Полтавской дороге и теперь торопил Дмитрия.

— Шоссе свободно, — говорил он. — Надо двигаться.

— Прощай, Варенька, — Гущин крепко обнял любимую. — Не тужи. Мы с тобой еще родим сына и ему никогда не будет стыдно ни за свою мамку, ни за своего отца.

Ночь была морозной, ясной. Небо сверкало крупными звездами.

— Вон видишь ту самую большую звездочку, — сказал Дмитрий, показывая Вареньке на полярную звезду. — Это наша с тобой. Ты смотри на нее по вечерам и я буду смотреть. Вот мы снова и будем вместе.

Черешня уже отправлял из леса на шоссе одну машину за другой. Дмитрий еще раз обнял Варю и, прыгнув на ходу в грузовик, крикнул всем оставшимся:

— До скорого свиданья, товарищи!

Конец первой части.

